

Елена
Михалкова

Дари
с морским
дьяволом

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова

Пари с морским дьяволом

«АСТ»

2014

Михалкова Е. И.

Пари с морским дьяволом / Е. И. Михалкова — «АСТ»,
2014 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина)

ISBN 978-5-17-085565-0

Ах, как заманчиво – убежать от проблем, интриг, потерь и горестей! Встать за штурвал, поднять паруса – и полный вперед! Но спрятаться от себя не получится. Несчастья преследуют пассажиров бригантины «Мечта», а убийство на борту ставит крест на тихом отдыхе. Что это – чья-то злая воля? Или происки морского дьявола? Читайте в новом детективе Елены Михалковой «Пари с морским дьяволом». Благодарим Л. Беспалову за разрешение использовать в тексте цитаты из А. Кристи «Десять негритят»

ISBN 978-5-17-085565-0

© Михалкова Е. И., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Михалкова

Пари с морским дьяволом

Моему мужу, с любовью – и с самой большой благодарностью за эту книгу.

– Уж я сумею за себя постоять, будьте уверены!

– Не люблю держать пари. К тому же, если вас убьют, кто отдаст мне выигрыш?

Агата Кристи, «Десять негритят»

© Михалкова Е., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

Чайки носились вокруг корабля и свирепо орали, будто намеревались атаковать его. «Самая что ни на есть пиратская птица – это чайка, – подумал боцман. – Чайка, а вовсе не попугай! Наглая, крикливая, жадная и берет не умением, а числом».

Он покосился на туристов, высыпавших на набережную. Почти у всех в руках поблескивали телефоны: люди торопились запечатлеть «Мечту» до того, как она уйдет в открытое море.

Боцман перевел взгляд на вновь прибывших, теснившихся на баке, и усмехнулся. Вид у них был ошарашенный.

Само собой, все они видели фотографии на сайте. Каждый был уверен, что хорошо подготовился к предстоящему плаванию.

Да только к такому подготовиться нельзя.

На «Мечту» попадали и зеленые новички, у которых самым ярким туристическим событием был сплав на плотах по мелководной речке в Турции, и многоопытные путешественники, профессиональные ловцы впечатлений. Последних боцман легко узнавал по тени пресыщенности на лицах. «Ну-ка, ну-ка, – говорили их глаза, – чем попытаетесь удивить нас, выдавших столько чудес, что вам и не снилось?»

Боцман, втайне любивший сшибать спесь с человек, каждый раз торопился мысленно схватить это выражение и подсчитать, сколько секунд уйдет на очередного зазнайку.

Больше трех не выдерживал никто.

Снисходительность сползала с их лиц, будто старая грязная пленка, обнажая чистое изумление и детский восторг.

Как у мальчишки, впервые севшего на свой собственный гоночный велосипед.

Как у девочки, подбежавшей к зеркалу в сверкающем новогоднем платье.

Как у взрослого, впервые увидевшего бригантину «Мечта».

Маша незаметно взглянула на мужа, боясь обнаружить ставшую привычной уже маску: усталость и плотно сжатые губы. Но Сергей, широко раскрыв глаза, смотрел на мачты, и лицо его светилось искренней радостью – первый раз за несколько месяцев. И самой Маше сразу стало радостно и спокойно, она принялась крутить головой и рассматривать все-все-все, чтобы впитать в себя и никогда не забыть.

Море было безудержно синего цвета, и этой ярчайшей избыточной лазурью оно щедро делилось с миром. Голубые лодки качались у причала, подслеповато синели окна старого здания порта, отражая воду. Причал был заляпан пятнами густых, точно пролитая гуашь, теней от пришвартованных яхт.

Белыми были лишь чайки, облака и паруса бригантин. В сложенном виде они напоминали смятые крылья бабочки, которая только что вылупилась из кокона. «Полетит, – подумала Маша, – скоро полетит! И мы вместе с ней».

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

Вся группа непроизвольно вытянулась. К ним подходил, широко улыбаясь, статный красавец в белоснежной рубашке.

«Ай да капитан! – мысленно ахнула Маша. – Хорош, каналья».

Девушка рядом с Машей восхищенно присвистнула совершенно по-мужски.

– Старший помощник капитана Артем Диких, – отрекомендовался красавец. – Поздравляю с прибытием на борт «Мечты»!

Вокруг зашумели нестройные приветствия.

– Сейчас мы с вами спустимся в кают-компанию и познакомимся с экипажем, – продолжал старпом. – Прощу за мной.

– А почему мы – курсанты? – тихо спросила Маша у мужа.

– Наверное потому, что учиться будем, – вполголоса ответил Сергей.

В кают-компании новоиспеченные курсанты расселись за большим круглым столом с бортиками. Напротив Маши оказался немолодой худощавый мужчина в очках, длинноволосый, с тонким интеллигентным лицом. «Писатель? – попыталась угадать она. – Музыкант?» На его запястьях болтались браслеты из кожаных шнурков и бусин.

Все напряженно выжидали. Никто не лез за фотокамерой, не отправлял эсэмэсок, не ерзал у окна, выбирая удачный ракурс.

Группа как будто ждала сигнала.

«Итак, нас восемь. Мы сидим вокруг деревянного стола и с любопытством поглядываем друг на друга. Все это напоминает собрание анонимных алкоголиков, как его показывают в фильмах. Ну, знаете, когда со стула поднимается помятый мужчина с одутловатой физиономией и сообщает, что его зовут Джон и он – алкоголик.

А у нас собрание любителей приключений. Что бы сказал каждый из нас, если бы был совершенно откровенен?

Давайте начнем с меня.

Здравствуйтесь, сказала бы я, меня зовут Катя, и я собираюсь убить одного человека. Я здесь именно для этого.

По усмешкам на ваших губах я вижу, что вы мне не до конца верите. И правильно делаете.

Я пошутила.

Меня зовут вовсе не Катя».

Дверь кают-компании наконец распахнулась. Кряжистый мужчина с обветренным до красноты лицом, вида крайне внушительного и сурового, обвел всех взглядом без улыбки. На белом кителе хищно сверкнули золотые пуговицы.

– Викинг! – прошептал кто-то.

– Капитан! – веско поправил вошедший. – Илья Ильич Муромцев. Как называют капитана на корабле?

– Первый после бога, – не задумываясь, ответил носатый очкарик в браслетах.

– Верно. А почему?

– Потому что на судне у вас безграничная власть.

– И снова правильно, – кивнул Муромцев. Жесткий его взгляд, скользнув по группе, остановился на Маше, и она ощутила непреодолимое желание спрятаться за мужа. Слишком грозный им достался капитан.

– Ой, я вас умоляю! Такая уж и безграничная... – прогнусавил кто-то.

В первый момент Маша решила, что ее подвел слух. Но увидев, как резко разворачивается всем корпусом свирепый Муромцев, поняла, что не ослышалась.

– Кто посмел перечить капитану? – тихо и угрожающе осведомился Илья Ильич.

– Не перечить, зачем же перечить! – Субтильный человечек с косматой бородашкой и блестящими черными глазами выбрался из-за спин команды. – Я просто излагаю факты.

Он запустил пятерню в бороду и ожесточенно почесал. Борода приобрела полное сходство с заброшенным вороньим гнездом.

– Вздернуть на рее, – холодно и просто распорядился капитан.

Несколько секунд испуганной Маше казалось, что команда без рассуждений бросится исполнять приказ. Но никто не двинулся с места.

– Вот, – его бесстрашный оппонент поднял палец. – Именно об этом я и говорил. Можно вздернуть меня на рее? Никак нет. Запрещено законом.

– Что за время! – с горечью посетовал капитан, оборачиваясь к группе. – Ни тебе механика вздернуть, ни кока выпороть.

– Трудные условия, – поддакнул нарушитель спокойствия. – Хотя насчет кока я бы не зарекался.

Только теперь до Маши дошло, что перед ними разыгрывается спектакль. Позади нее сдавленно хрюкнул Сергей, кто-то рассмеялся, не скрываясь, и общее напряжение растворилось, будто и не было.

– Господи, мы ведь думали, вы взаправду... – выдохнула женщина в цветастом шарфе, сидевшая рядом с очкариком в браслетах.

Муромцев улыбнулся и сразу из викинга превратился в фермера, в честь праздника надевшего лучший костюм.

– Представляйся сам, Ваня. Раз уж до реи не дошло.

Косматый маленький человечек поправил ворот рубашки под горлом.

– Иван Васильевич Козулин, – прогнусавил он. – Для своих – Дед. На этом судне выполняю обязанности механика и врача. Если где-то что-то не работает, я подкручу, и все наладится. Это не только к механизмам относится, но и к вашим организмам, чтоб они были в порядке, мои хорошие!

– Да вы практически бог! – заметила та же девушка, которая присвистнула при виде старпома. У нее были очень короткие белые волосы, торчащие ежиком.

– Скорее, его и.о., – поправил механик. – Темир, дорогой, твоя очередь.

Вперед выдвинулся круглолицый скуластый татарин с едва заметными усиками над тонкой губой.

– Темир Гиреев я, – с мягким, еле слышным акцентом сказал он. – Штурман, радист, ну и по совместительству за всю электронику отвечаю. Очень рад вас всех здесь видеть!

Он отступил назад, и его место занял низенький толстяк с лоснящимся желтым лицом.

– Кок! – с достоинством сообщил он. – Афанасий.

– Нафания! – хором воскликнули механик и молодой прыщавый парнишка с длинными волосами, собранными на затылке в хвост.

– Кому Нафания, кому Афанасий Петрович, – возразил кок, метнув сердитый взгляд на юношу.

– Афанасий Петрович – царь котелка и бог плиты, – серьезно сказал капитан. – Разносолов не обещаем, но что будет вкусно – не сомневайтесь. Антоха, два шага вперед!

Щуплый паренек с хвостом повиновался и отсалютовал:

– Здравствуйте! Я тут как бы матросом.

Муромцев покачал головой, и паренек исправился:

– То есть просто: матросом. Рассказывать о себе не особо умею, уж извиняйте. Зато все покажу, что надо. Снасти будем учиться разбирать. Палубу драить. В общем, всему потихоньку. Правильно говорю, Илья Ильич?

Капитан одобрительно кивнул, и парнишка расцвел в улыбке.

– А где же Яков Семеныч? – вдруг закрутил головой механик. – Без него никуда. Он для вас, мои хорошие, на ближайшее время самый главный человек!

...«Тут они, конечно, уши наострили! И глазищи у всех сразу круглые, как у сов. Прежде они думали, что главный человек для них – это капитан. А тут какой-то Яков Семеныч выискался.

Умеет Козулин подготовить почву.

Появился я, как Дед Мороз под аплодисменты, и поначалу все шло как обычно. Муромцев им объяснил, что на корабле они будут под моим руководством, с Антохой на подхвате. Вообще-то у нас еще и старпом отвечает за работу с *салагами*. Капитан это словечко недо-

любливает и нас за него шпыняет. Оно и правильно. Эти группы – наш хлеб, а также масло. Включая машинное, угу.

А вы как думали? «Мечта», конечно, бригантина, со всеми полагающимися парусами на фоке и гроте. На первый взгляд мы выглядим как старинное судно. Но только на первый. Знающий человек приметит и лебедки на палубе, и прочие современные штуковины. А потом приглядится к корпусу и сообразит: судно с таким оснащением не может быть без начинки.

И будет прав. Там стоит неплохой дизель, не слишком мощный, но нам хватает. Обычно-то мы под парусом идем, как и полагается. Но случись что, есть запасной вариант.

А я, знаете, с возрастом стал не то трусоват, не то осторожен. Люблю, чтобы всегда был запасной вариант. Так что наша «Мечта» – шхуна ровно по мне, и нет для меня ничего дороже этой посуды. Но обслуживать ее стоит – мама, не горюй! Поэтому над группами мы трясемся, как пингвин над яйцом: чтоб салаги и сами довольны остались, и друзьям нас рекомендовали. То есть, не салаги, а *гости*.

Группа в этот раз оказалась небольшой, всего восемь человек. Как правило, десять, а один раз napросилось пятнадцать. Но это уже перебор.

Так что когда я вошел в кают-компанию, никакого подвоха не ожидал. Успел понаблюдать за нашими новичками, пока они глазели на мачты и снасти.

Разные у нас попадают гости. Бывало, кое-кого приходилось ссаживать в ближайшей гавани. Как-то затесался в группу наркоман, другой раз – алкоголик, но его Василич быстро раскусил: рыбак рыбака издадека видит. «Химика» Муромцев сразу выкинул за шкибон, как драного кошака, а за тем мужичком мы всю дорогу присматривали, и обошлось без инцидентов. Поработайте с моё при салагах, живо научитесь определять, кто на что способен. Никаких пакостей можно не ждать – так я подумал, едва глянул на новую группу. Разве что вот эта девахa, похоже, неугомонная: с волосами как снежные иглы и татуировкой змеи на предплечье.

Сама с чертиками в глазах, а мужик при ней – мордастый, обрюзгший. Он-то меня первым и спросил, чем будем заниматься.

Для начала, говорю, изучать правила безопасности. Считайте, что я для вас временные папа с мамой в одном лице.

Стоим у штурвала, я все подробно объясняю, они, как дети, за руками следят.... А одна женщина – рыжая, тонкая, беспокойная – то на меня глянет, то на мужа. Здоровенный бугай, плечистый: ну медведь медведем! И она глазами тревожно туда-сюда, туда-сюда шьет. Словно боится, что ему сейчас осточертеет моя инструкция и он прямо с палубы в воду сиганет.

И вот тут меня первый раз кольнуло.

Что, думаю, за чертовщина такая? Подозрительность разыгралась, или ревматизм подбирается?

Посмотрел на наших гостей еще раз. Повнимательнее.

Рыжая топчется рядом с медведем, татуированная девахa – со своим мордастым. Длинноволосая русалка в дурацкой красной бандане – при раскосом черноглазом парнишке. Еще двое жмутся друг к другу: интеллигент с седыми патлами и жена его, приятная молчаливая тетка лет под сорок типичной среднерусской наружности.

Нормальные люди на первый взгляд.

Что ж у меня на душе кошки так отчаянно скребутся?»

Глава 2

Каюта оказалась тесной, не повернуться. «Скажи спасибо, что не кубрик, – усмехнулся Сергей. – Спали бы все рядышком, в гамаках, как и положено курсантам, и никакого тебе личного пространства».

Пусть, думала Маша. Пусть никакого личного пространства. Она согласилась бы и на это.

На что угодно, лишь бы вытащить мужа из состояния, в которое он неумолимо погружался с каждым днем.

Три месяца назад при расследовании в старом особняке пропал его напарник и друг Макар Илюшин¹. Лучший частный сыщик Москвы исчез при совершенно необъяснимых обстоятельствах. Рядом с особняком находилась оранжерея с розами. Именно там, внутри, служебная собака обнаружила самый свежий след Макара.

Он обрывался у двери.

Сергей обыскал все. Лес обшарили, оранжерею перевернули вверх дном и разве что не разрыли. Нанятые помощники с утра до ночи опрашивали всех людей в округе. Но никто не видел светловолосого парня лет двадцати пяти, похожего на студента. Сперва Бабкин подозревал очередную шутку Макара, иногда склонного к недобрым розыгрышам. Эта надежда поддерживала его первые две недели.

Потом и она испарилась. *Так* Илюшин пошутить не мог.

Морги. Больницы. Подвалы. Зброшенные заводы. Притоны.

Сергей искал повсюду.

Макара Илюшина нигде не было.

Сергей невероятным усилием поднял весь круг знакомых и забросил широкий невод. Самые разные люди, от работников заправок до оперативников, искали хотя бы тень следа.

Ничего.

К концу второго месяца поисков на Сергея было страшно смотреть. Он столкнулся не просто с потерей – с потерей непостижимой! Его рациональный ум искал объяснение случившемуся, но спотыкался о полное отсутствие фактов. Достоверно утверждать можно было лишь одно: Макар Илюшин в середине дня покинул дом и зашел в оранжерею.

Все, случившееся после, выглядело сплошным белым пятном.

– Вашего друга внезапно настиг кризис среднего возраста, – поведал Бабкину знакомый психотерапевт. – Такое случается сплошь и рядом, поверьте моему опыту. Люди на ровном месте круто меняют свою жизнь. Только что был человек – и уже нет его. А где же он? Сидит на берегу океана, полирует карму. Ваш Макар давным-давно где-нибудь в Индии, Тибете или на Байкале.

Уехать в Тибет Макар, пожалуй, мог. Но лишь затем, чтобы расследовать загадочное исчезновение послушника из древнего монастыря. И он никогда не бросил бы друга в полном неведении.

Маша помогала мужу в поисках, и сердце ее сжималось от горя и тревоги. Она видела, как одна за другой отпадают выстроенные им версии. Бабкина охватило подобие умственной лихорадки. Он вцеплялся в любые предположения, включая самые бредовые. Ездил к экстрасенсам. И не мог ни говорить, ни думать о чем-то еще, кроме исчезновения Илюшина.

А потом нервное возбуждение сменилось отупением.

Сначала Маша даже обрадовалась. Для себя она давно нашла объяснение случившемуся. Кто-то проходил мимо оранжереи, увидел человека внутри, зашел и убил его. Наркоман, а

¹ Читайте об этом в детективе «Комната старинных ключей».

может, сумасшедший. Убийца вытащил тело из оранжереи и закопал в лесу, а следы замаскировал.

Эта версия объясняла все. Но Бабкин отказывался в нее верить.

– Чтобы Макара прикончил какой-то случайный прохожий? Исключено. С его-то чутьем! Психа бы он к себе не подпустил, а наркоману с ним не справиться. И потом, мы не нашли в оранжерее следов борьбы.

Маша возражала про себя. Нет следов борьбы – значит, Илюшин успел выйти наружу. И за дверью притаившийся человек нанес ему смертельный удар.

Она не говорила этого вслух. Бабкину, с его опытом оперативной работы, не нужно было подсказывать, в каком направлении искать. Он сам старательно отталкивал от себя Машино предположение.

Но по мере того как ниточки расследования обрывались одна за другой, Сергей все чаще приезжал в лес за особняком. Ходил, присматриваясь к каждой кочке, к каждому бугорку земли. Ворошил палкой траву.

Наконец он перестал и приезжать.

В середине августа Сергей взялся за новое дело, уже один, без Илюшина. Фактически это означало завершение активных поисков.

Маша испытала бы облегчение, если бы не видела произошедших с мужем перемен. Бабкин стал молчалив и как-то равнодушен ко всему. Дело он расследовал очень быстро и профессионально. Восхищенный клиент напоследок долго благодарил Сергея и утверждал, что они расстанутся лучшими друзьями. А о том, что частный сыщик забыл о его существовании, как только закрылась дверь, он не догадывался.

По молчаливому соглашению Сергей с Машей признали, что Илюшина больше нет. Погиб при невыясненных обстоятельствах. Бабкин, как на работу, по-прежнему ездил в морги на опознание неизвестных трупов. Сначала Маша боялась, что однажды он вернется и в ответ на ее безмолвный вопрос кивнет. Потом она стала на это надеяться. Любая определенность, даже такая, была бы лучше неизвестности.

День шел за днем, ничего не менялось, и ей иногда казалось, что теперь так будет всегда: рутинные поездки на опознание, пустые глаза мужа по возвращении. Вернуть к жизни Илюшина Маша не могла. Но она могла попробовать вернуть Сергея.

«Переключить. Увезти куда-нибудь подальше. Но не просто сменить обстановку, а что-нибудь... Что-нибудь необычное! Чтобы он все время был занят. И чтобы ему это нравилось».

Все идеи отдыха в отелях Маша сразу отвергла. Ей требовалось что-то совсем другое.

Сплав по Амазонке? Сафари в Африке? Путешествие к водопаду Виктория? Она перебирала сайты, читала отзывы, но каждый раз интуиция подсказывала: не то.

Маша почти сдалась, когда на глаза ей попало объявление. «Морское путешествие на бригантине».

И фотография: шхуна под белоснежными парусами, скользящая по волнам.

Маша вынула из сумки таблетки от морской болезни и положила на видное место. Скоро, очень скоро они ей пригодятся.

Сергей стоял, едва не упираясь головой в потолок, и с любопытством изучал устройство второго яруса кровати. В этой маленькой каюте он казался великаном. А сама каюта, и без того крошечная, съежилась до размеров табакерки.

– Ну что, как тебе здесь? – осторожно поинтересовалась Маша.

– Пока – здорово! – Бабкин выглянул в мутный иллюминатор. – Красота, конечно, немислимая. Корабль этот словно дышит. Как будто он...

– Живой, – тихо подсказала Маша.

Сергей не расслышал, махнул рукой:

– Ладно, потом сформулирую. Вот с командой я пока не совсем разобрался.

– Их слишком много?

– Нет, просто у меня от них двойственные ощущения.

– Почему?

– А тебе не кажется, что они несколько картинные? Джеклондоновские персонажи, м-м?

Кок – ворчливый толстяк, капитан – герой, матрос простоват.

Маша задумалась.

– Да, пожалуй. Но я понимаю, почему. Они должны оправдывать ожидания зрителей.

Капитан не может быть вредным сморчком. Только не на «Мечте»!

Сергей забрался на кровать, вытянулся и пошевелил пальцами на ногах. Пальцы свисали над полом.

– Так я и думал – коротка! – простонал он. – Уйду в гамак, буду спать в гамаке.

Маша подавила смешок. Последний раз Сергей пытался спать в гамаке на даче. Вместе с ее сыном Костей они сначала долго привязывали полотно между двух яблонь, а затем с гордостью демонстрировали ей прочные узлы какой-то специальной вязки. «Выдержат любой вес, мам!» – клялся Костя. Потом Бабкин лег в гамак, и тот порвался посередине.

– Ножки подождешь. – Она подсела к нему на кровать. – О чем мы говорили?

Бабкин тут же сгреб ее в охапку.

– Ай! Оставь! – смеясь, отбрыкивалась Маша. – У нас инструктаж через пять минут!

Мне еще волосы заплетать!

Наконец Сергей неохотно выпустил ее и стал смотреть, как она легко и быстро подбирает вверх пушистые рыжеватые пряди, одну за другой. Солнце просачивалось в каюту, запутывалось в волосах, и казалось, будто это Машка сияет, вся, от макушки до босых пяток.

«Если бы Илюшин был жив, я был бы абсолютно счастливым человеком».

Эта мысль словно ударила Бабкина под дых.

«Пошел к такой-то матери, – с глухой злобой приказал он неизвестно кому. – Заткнись, неврастеник».

И чтобы не чувствовать снова внутреннего черного кома, набирающего скорость под гору, как снежный шар, он поднялся с кровати и спросил с преувеличенным интересом:

– Так что про зрителей?

– Про что? А, про команду... Вряд ли они притворяются всерьез. Нас развлекают безобидным маленьким аттракционом. Как при первой встрече, когда капитан сыграл сурового морского волка, а потом преобразился. Это было даже мило!

Бабкин сделал два шага по каюте и уперся в столик. Неожданная мысль пришла ему в голову.

– Если, конечно, игрой был суровый морской волк, – подумал он вслух.

– Что?

Сергей обернулся к жене.

– Я б не поручился, что игрой был именно первый образ, а не второй.

Когда они поднялись на палубу, все были в сборе. Яков Семеныч возвышался на юте, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

В кают-компании Боцман появился последним и произвел на Машу неизгладимое впечатление. Он был смугл, как прокопченный на солнце лещ, лыс, нос имел приплюснутый, щеки впалые, а глаза – такой чистейшей голубизны, как будто за годы хождения под парусом в них въелось море. Маша заподозрила бы линзы, если бы перед ней стояла кокетливая девушка, а не старикан лет семидесяти. Лысина его была безупречна: коричнево-красная, гладкая, как отполированное дерево. Легко можно было представить, что перед сном он протирает ее мягкой замшевой тряпочкой.

Перед тем как выйти на палубу, боцман нахлобучил белый пробковый шлем: «Привыкайте, хлопцы. Головушку защищаем. Тут не Россия!»

«Хлопцы» дружно закивали. Солнце вроде бы и мягкое, а не успел обернуться – от тебя уже одни угольки дымятся. Вон у боцмана физиономия какая! Как у кочегара.

– Будем учиться ставить паруса! – обрадовал Яков Семеныч. Голос у него был хриплый, прокуренный. – Первое, что вы должны знать: снасти на руку не наматываем!

– А почему? – встряла блондинка с татуировкой.

– Потому что руку оторвет, – флегматично информировал боцман. – А без руки некрасиво.

Он подождал немного, но больше вопросов не поступало.

– Обувь у всех удобная? – оглядел их Яков Семеныч. – Чудно. Сейчас Антоха страховочные пояса разберет, и начнем, помолясь.

Следующие несколько часов Маша карабкалась на мачты, запоминала, чем шкот отличается от браса, как крепят ходовой конец и что означает «набить ванты». К концу занятия голова у нее распухла от новых сведений, пальцы покрылись волдырями, несмотря на защитные перчатки, ноги гудели от бесконечного лазанья вверх-вниз.

Она посмотрела на своих спутников. Блондинка со змеей на предплечье, воспользовавшись перерывом, фотографировалась возле борта. Маша уже знала, что ее зовут Яна, а ее мужа – Владимир. Но только теперь она обратила внимание, до чего девушка хороша собой.

Гибкая, подвижная, она и сама напоминала змейку: маленькую, экзотическую и очень опасную. Серебристые брови. Белоснежные волосы. Синие, широко расставленные глаза с необычайно яркой черной точкой зрачка. Когда Маша видела таких красивых людей, ей казалось, что перед ней существа с другой планеты. Прилетели в рамках культурного обмена: заимствуют у нас традиции и ритуалы, а нам на память оставляют комплекс неполноценности.

Маша на секунду ощутила себя большой и неуклюжей лошадью. Рыжей.

– Володя, теперь вот так! – задорно крикнула Яна.

Хоп – и одним прыжком взлетела на борт, забалансировала на цыпочках.

– За ванты держись! – потребовал ее муж.

– Даже не подумаю!

Боцман обернулся. В несколько быстрых шагов преодолел разделяющее их расстояние и успел как раз вовремя, чтобы подставить руку спрыгнувшей девушке.

– Что я вам говорил три часа назад? – поинтересовался он.

– Яков Семеныч, больше не буду! – клятвенно пообещала Яна и прижала руку к сердцу. В уголках губ дрогнула усмешка.

«Будет, – подумала Маша. – Из принципа, чтобы сделать по-своему».

Похоже, боцман тоже это понял. Он погладил щетинистый подбородок и позвал:

– Подойдите-ка сюда, хлопцы.

Дождавшись, когда пассажиры соберутся вокруг, похлопал рукой по верхней доске борта. Маша уже выучила, что она называется планшир.

– Вот с этого самого места, – неторопливо начал он, – несколько месяцев назад свалился человек. Вроде бы и ничего страшного, угу? – он обвел всех внимательным взглядом. – Вода же внизу.

Все молчали.

– Вода! – наставительно повторил боцман. – У воды бывает два состояния...

– Три, – грубо перебил его Владимир. – В школе учились, нет? Три агрегатных состояния воды: жидкое, твердое, газообразное.

Маша усилием воли подавила в себе острую неприязнь. Ей определенно не нравился этот человек. И рубашка-гавайка его, разрисованная оскалившимися акулами, не нравилась. И модная стрижка с выбритыми висками. И бульдожье лицо с крепкой нижней челюстью. И

даже его манера двигаться враскачку с первой минуты пребывания на корабле, как будто он уже сотню раз ходил в шторм по палубе, а не поднялся только что вместе со всеми.

Она вообще недолюбливала людей, убежденных, что они хозяева жизни.

Яков Семенович кротно глянул на Владимира голубыми глазами и снова перевел взгляд за борт, где солнце плело в волнах золотые сети.

– Два состояния, – повторил он, будто не слышал. – Либо она вас спасает, либо убивает. Для нас «Мечта» – быстроходный парусник, а для моря – воз.

– Что? – переспросил Владимир.

– Воз. Потому что в море что с воза упало, то пропало.

Повисло молчание. Волна с разбегу ударила о борт, плеснула громко, будто хлопнула в ладоши, и все вздрогнули.

Маша живо представила, как их деревянная телега неторопливо движется по синему тракту, а за ней следуют, облизываясь, морские гады, высовывая костистые головы из бурунов.

– И что же, помер этот дядечка? – нервно усмехнулась Яна. – Который свалился?

Боцман перевел взгляд на нее.

– А кто вам сказал, что это был дядечка?

Яна на миг опешила, а когда открыла рот, чтобы возразить, ее уже перебили.

– Значит, если человек упадет за борт, он погибнет?

Женщина в цветастом шарфе вся подалась к Якову Семеновичу. Даже черные очки сняла, будто боялась упустить что-нибудь важное. Маша вспомнила, что у нее редкое имя: Кира. Ее муж, которого она приняла за музыканта, оказался режиссером с необычной фамилией Бур. Аркадий Бур.

– ...погибнет? – настойчиво повторила Кира, не замечая обращенных к ней недоуменных взглядов.

– От обстоятельств зависит. Если ясный день и море спокойное, то гибнуть ему не с чего.

– А если плавать не умеет? – не отступала женщина. Она волновалась и пыталась это волнение скрыть, но получалось плохо. Пальцы безостановочно теребили край шарфа, словно отрабатывали гамму.

Маше стало неловко. Как будто перед ней начали раздеваться без приглашения. Она отвела взгляд.

– Вытащим! – великодушно пообещал боцман. – Вот если ночью или в шторм, тогда дело другое. Вахтенный не услышал, сам человек испугался – и выйдет нехорошо.

Даже это «выйдет нехорошо», за которым стояла вполне однозначная картина, у него звучало на удивление философски и успокаивающе. Мол, помрет бедолага, ясное дело. Ничего радостного. Но и ужасного, однако ж, тоже нет, все мы смертны.

Кира кивнула и отступила, словно что-то уяснив для себя.

– Вы не умеете плавать? – сочувственно спросил юноша с раскосыми глазами.

– А? – женщина подняла на него рассеянный взгляд. – Умею, и неплохо. А что?

Прозвенел гонг, и матрос Антоша сообщил, что обед готов.

После борща кок, ко всеобщему восторгу, выставил на поднос тарелки с дымящейся вермишелью.

– Макароны по-флотски!

– Ура!

– Разбираем, товарищи!..

– С детства не ел, – признался режиссер, наматывая на вилку клубок макаронин. – У нас в семье это блюдо считалось плебейским, только бабушка меня изредка радовала, когда приезжала погостить. Нет ничего хуже снобизма в еде.

– Последние два слова лишние, – вполголоса заметила Кира.

– Отчего же? А, понял! – Аркадий улыбнулся. – Не помню, кто сказал: интеллектуальный сноб это тот, кто не замечает красивую девушку, сидящую рядом с ним в самолете, из презрения к книге, которую она читает.

– И это вполне оправдано!

Аркадий повернулся к Яне, непринужденно вмешавшейся в их разговор, и поправил очки.

– Чем же?

– Ее глупостью, – пожала та плечами. – Допустим, она читает пошлейший любовный романчик. Какие-нибудь «Сто тридцать оттенков серо-буро-малинового». Что интеллектуальному снобу делать рядом с такой женщиной?

– Отчего же вы отказываете нашей красивой девушке в уме и любопытстве? – искренне удивился режиссер. – Вы придумали за нее целую историю: мол, она читает книгу, потому что ей по душе всякая муть. Но она может читать ее по совершенно другим причинам. Например, чтобы разобраться в феномене успеха. Или понять, отчего эта книга понравилась ее подруге. Вариантов много. Вы же предпочли самый невыигрышный. И в этом тоже, простите, заключается некоторый снобизм.

Яна не обиделась.

– А я и есть первостатейный сноб!

Она скорчила высокомерную физиономию и брезгливо оглядела тарелки, поджав губы. Сначала засмеялась Маша, а за ней и все остальные.

– Актриса, блин! – проворчал Владимир, однако общий смех как дань артистизму жены ему явно польстил. – На, пей компот.

И заботливо придвинул стакан, в котором на дне плавала разварившаяся рыжая курага.

«Порой роль доброго дядюшки начинает меня тяготить.

Вы только поймите правильно: роль-то необходимая!

Людям на корабле должно быть хорошо. Но плавание, скажу я вам начистоту, штука не слишком комфортная. Мы ж не океанский лайнер с бассейном, официантами и променадом. А вся романтика закончится, как только вас вывернет наизнанку после завтрака.

Вот и выходит: люди плыли за мечтой, а получили качку, паршивое самочувствие и кучу обязанностей в придачу. А если вы думаете, что ставить паруса – это просто, добро пожаловать к нам на борт.

Одно время Капитан хотел табличку заказать: «Избавляем от иллюзий. Недорого». Еле отговорили.

Люди устают, нервничают, боятся. Узнают о себе... разное. Скажем, кто-то думал, что море – это его мечта. А походил под парусом и понял, что его мечта – это пляж в пятизвездочном отеле. Там море домашнее, людьми облагороженное. А у нас – дикое, и черта с два его приручишь. Разница такая же, как между кошкой и тигром.

Все думают, что любят тигров. Только любить их в телевизоре и встретиться в джунглях нос к носу – разные вещи.

Вот тут-то и нужен я. Вовсе не затем, чтобы научить и объяснить. Это ерунда, это и Антоха сумеет! А вот слово правильное вовремя сказать, подбодрить, похвалить – это труднее. Хвалить-то с умом надо, с пониманием. Антоха славный парнишка, но такого понимания у него нету.

Скажем, попались у нас как-то в группе муж и жена. Она – живая, юркая, схватывает на лету. А он – ну, тугодум. Все медленно делает. Отстает от нее.

И вижу я, как он мрачнеет и мрачнеет. Еще бы – малютка-жена его по всем пунктам обходит. А он же мужик! У него самоуважение замешано на том, что он первый по каждому пункту.

Но наконец-то и у него начало получаться. Тут наш Антоха к нему подваливает с таким лицом, будто у него в карманах по два кило счастья, и заявляет: «Здорово вы с такелажем разобрались! Не хуже супруги!»

Я чуть по лбу его не хлопнул. Вот же дурень! Для этого мужика одна мысль о том, что он с женой соревнуется, хуже горькой редьки. А ты ему еще и без обиняков дал понять, что она круче.

Пришлось исправлять ситуацию.

Подхожу я к нашему красавцу, а он уже смурнее тучи. Насупился, как орангутанг, у которого банан отобрали. Того гляди в грудь себя бить начнет. Я, значит, вежливо: так и так, Степан Иванович, не поможете ли с тросами? Другие-то слабоваты для такой работы.

А он, может, и медлительный, но силач. Взялся за бухту – а она тяжеленная! – и пыхтит: куда, мол, волочить?

Потом ходил довольный, смотрел орлом. Еще бы: пять бухт перетащил с бака на ют! Я честно сказал: больше никому на корабле такое не под силу. Может, капитану. И то вряд ли.

И с этой минуты, считай, пошло нормальное плавание у нашего силача. Потому что похвалили его грамотно.

А тросы мы потом с Антохой на пару потихоньку обратно перетаскали. На черта они мне на юте!

Но бывает, человека не хвалить хочется, а с трапа спустить. Нынче руки у меня так и чесались, причем дважды.

Первый раз, когда мордастый вылез жене на подмогу. Бабу свою защищать – дело хорошее. А вот варезку разевать попусту – это совсем никуда не годится. Боцман для салаг – авторитет, власть и скорая помощь в одном лице.

В другое время я бы про нахала забыл через пять минут. Ну, понервничал человек, агрессивным стал от избытка впечатлений, бывает. Но в этот раз во мне будто заноза засела. И поставил я мысленно напротив Владимира Руденко, бизнесмена тридцати шести лет, женатого, бездетного первую зарубку.

А второй случай совсем дурацкий.

После обеда старпом подсел к группе и давай задушевно общаться. У Артемыча это хорошо выходит, особенно с тетками. Зубами сверкнет – и все дамы сердечно размягчаются.

Но сегодня вышла промашка. Старпом поинтересовался у салаг, что им пока труднее всего переносить на корабле.

Обычно народ что отвечает? Правильно: качку. Тогда наш Артем достает таблетки и каждому выдает запас. Очень всем нравится такая предусмотрительность и забота.

Салаги и в этот раз не подвели. «Качку! – кричат. – Волны!» И вдруг посреди этого слаженного хора чистый такой, хрустальный голосок: «В основном, вас».

Я чуть вермишелью не подавился.

Пригляделся, кто это у нас такой прямолинейный. А это девица-русалка! Сидит бледная, серьезная, как комсомолка на вручении почетной грамоты. Ручки на коленях сложила. А ейный парнишка компотом булькает с таким видом, будто ничего удивительного не услышал. Я, кстати, только тут заметил, что волосы-то у него заплетены в косу, а коса свернута под затылком в несколько раз – вроде как у воина.

Артем тоже опешил, но быстро взял себя в руки. «Отчего же, – спрашивает с улыбкой, – именно я вас так раздражаю, и в моих ли силах это исправить?»

А девица ему: «Да не вы, господин старпом, а вообще люди вокруг меня».

И смотрит эдак печально и строго.

Тут я понял, что у меня второй кандидат на полет по трапу. Потому что если у тебя, голубушка, непереносимость человеков, а по-умному – мизантропия, на кой ляд ты потащилась в двухнедельное плавание на паруснике?

Сюрприз на сюрпризе от наших овечек!

Как говаривал в таких случаях мой дед, спаси господь волков от нашего стада».

Глава 3

Бригантина «Мечта» вышла из порта рано утром.

Маша стояла на палубе, вцепившись в ванты, и остро страдала от собственного несовершенства. Шарф, которому, по замыслу, предстояло красиво развеиваться за спиной, был обмотан вокруг головы на манер платка. На чудесный вязанный жакет надета теплая куртка, а сверху еще и жилет – чтобы не продувало.

Таким образом, вместо элегантной женщины палубу «Мечты» украшала деревенская баба с картин передвижников, выбежавшая в феврале на двор.

Маша шмыгнула носом. А что делать, если холодно!

Не так, совсем не так воображала она себе первое утро на корабле.

Да и корабль представляла иначе.

Разве можно было ожидать, что повсюду, куда ни глянь, окажется такелаж? Блоки, скобы, тросы, канаты... «Мечта» казалась опутанной веревками!

И все до единой гудели, ныли, стонали, пели. Корабль перекликался сам с собой на разные лады. Маша думала, что две недели будет слышать только шум моря, но едва поднявшись на палубу, поняла, что отныне ее сопровождает голос парусника. На мгновение ее охватила диковатая уверенность, что бригантина – вовсе не средство для перевозки людей по воде, как самонадеянно они полагают, а немислимый музыкальный инструмент, на котором ветер играет, будто шаман, сжимающий в зубах концы разномастных струн и тренькающий всеми пальцами.

Но музыка, если только эти звуки можно назвать музыкой, не услаждала слух. Она пугала. Заставляла чувствовать себя маленькой и беспомощной. Слишком явственно напоминала о том, что *не ты* играешь эту мелодию.

И море было не синим. Сейчас, когда дрожащий край солнца только набухал над горизонтом, вода имела отчетливо серебристый, ледяной оттенок. Так мог бы выглядеть северный ветер, если бы вздумал стать волной.

А чайки! Вместо прекрасных птиц, чьи крики рожают в сердце печаль о несбыточном – какие-то свирепые грязно-белые гарпии. Летят за кораблем и гнусаво орут.

О спутниках и подавно думать не хочется – одно расстройство.

На этом месте размышлений Машу деликатно тронули за плечо. Обернувшись, она увидела ту самую девушку, из-за которой, собственно, и расстраивалась.

– Я полагаю, – серьезно и вежливо сказала та, – мне следует объясниться.

Наташа Симонова

Наташа вышла замуж в порядке эксперимента. Тетя Соня так настаивала, так переживала из-за того, что Наташе уже двадцать четыре, а она еще ни разу не вступала в брак! В тетушкином мире ценность женщины определялась тем, сколько раз ей делали предложение. И, конечно, сколько раз оно было принято. Существовала сложная система, которую Наташа так до конца и не уяснила. Например, соседка Верка, бабенка разбитная, веселая и любвеобильная, только официально была замужем пять раз, и тетя ее осуждала: «Скачет по мужикам, как блоха по головам!» Но и один брак, особенно скоротечный, не слишком котировался. «Не стоило и хвост задирать!» – презрительно отзывалась о таких замужествах Соня.

Сама она, конечно, замужем никогда не была и благополучно доживала свой век старой девой.

Наташу тетушка любила, истово жалела и... чуточку опасалась. Станный ей достался ребенок – тихий, постоянно будто обращенный куда-то в глубь себя, неулыбчивый, неласко-

вый. Никогда первой не заговорит, не подойдет. Окликнешь – не сразу отзывается. А то и вообще мимо ушей слова пропускает, как не слышит.

Когда-то знакомый врач, лечивший тетю от всех болезней – от мигрени до насморка – бросил мимоходом: «У вашей девочки, похоже, аутизм!» Тетушка Соня зарыдала сразу от всего: и от того, как ужасно это звучит, и от того, что у бедной сироты, вдобавок к горькой доле, еще и какое-то страшное заболевание. Доктор, втайне довольный эффектом, ободряюще похлопал ее по плечу. «Ничего, ничего. И не с такими диагнозами люди живут». Он любил сперва ошеломить пациента, выбить почву из-под ног, а затем красивым жестом протянуть руку профессиональной помощи. «Эмоциональная сфера, конечно, всегда останется бедной. Говоря проще, ваша племянница никогда не научится нормально жить с людьми – дружить, любить. Она – Человек дождя. Есть такой американский фильм, я недавно видел».

Эскулап упивался вытянувшимся лицом Сони.

«Лечить-то как, доктор?» – всхлипнула несчастная женщина. «Никак. Только адаптировать к обществу».

Девочка, о которой шла речь, стояла за приоткрытой дверью и слышала все от первого до последнего слова.

Тетушка Соня рьяно принялась выполнять наказ врача, и делала это с таким энтузиазмом, что в пятнадцать лет Наташа сбежала от нее в квартиру родителей. После этого две женщины, юная и пожилая, зажили мирно. Соня смирилась с тем, что никогда не сделает из Наташи образцового члена общества, и оставила лишь одну цель – выдать бедную девочку замуж.

Борис, с ее точки зрения, выглядел идеальной партией.

Наташа об идеальной партии не думала вовсе. Она пыталась представить, каково это – когда два человека постоянно сосуществуют рядом. Если с пятнадцати лет живешь одна, понемногу приходишь к выводу, что лучший партнер для человека – это кошка. Единственный недостаток кошки в том, что она не убирает за собой. Но это и ко многим людям относится.

Однако Борис был очень настойчив. Даже настойчивее, чем тетушка Соня.

Они познакомились в ресторане, на дне рождения у Наташиной подруги. Борис с приятелем сидели за столиком и развлекались, оценивая окружающих женщин. Десять баллов – годная самочка. Один балл – некондиция.

Наташа встала со своего места, чтобы сказать тост, и Борис поперхнулся баллами.

Три месяца спустя он привез ее знакомиться с родителями.

Она им понравилась. Молоденькая, славная, глазки умненькие. «Интеллигентная девочка, – одобрила мама. – Сразу видно, из хорошей семьи».

– Только ты вот чего, Боря... – сказал отец, пощипывая усы, – ты там контракт подпиши с ней. Этот, брачный. Чтобы не дай бог чего! А то эти москвички... Чтобы вот она где у тебя сидела!

И вскинул крепко сжатый кулак.

Опасения родителей Борису были понятны. Пятнадцать лет назад он перебрался из Копейска в Москву – нищий парень с угрюмым взглядом и волчьей хваткой – и с тех пор неуклонно выцарапывал у судьбы свою долю счастья. Доля, в основном, имела денежное выражение.

Теперь он с полным правом мог назвать себя состоявшимся человеком.

Бизнес – свой.

Квартира – отличная, на Соколе: мечта, а не квартира!

Родители под боком, живут не тужат в своей двушке.

А Наташа кто? Бедолажка, сирота московская. Ютится в комнатухе, оставшейся от покойных родителей. Закончила искусствоведческий, поработала в музее, потом ушла и занялась совсем уж полной ерундой: научилась из бисера и камешков плести бусы и стала прода-

вать их через интернет. Всех развлечений – раз в пару месяцев съездить в Европу, ухватив самые дешевые билеты, а там бродить по барахолкам, выискивать всякую старомодную дрянь.

Впрочем, Бориса этот ее образ жизни устраивал. Не хватало еще, чтобы будущая жена карьеру строила.

Он смотрел на нее с умилением. Мышка музейная! Одеваться совсем не умеет. Длинная юбка в лохмотьях и заплатках, сверху кофта с отвисшими карманами, ботинки армейские на ногах, волосы банданой перехвачены – ну что за вид! А все равно хорошенькая.

На «хорошенькая» Борис каждый раз спотыкался. Где-то в глубине души он понимал, что подобная внешность не оценивается такими словами, как «хорошенькая» или «симпатяшка». Но подобрать нужное не мог.

Глазищи вот эти... Серые, как дождь, громадные, и будто сквозь тебя смотрят. И все время она словно прислушивается к чему-то. Борис поначалу тоже пытался прислушиваться, потом понял, что выглядит дураком.

После визита к родителям он поговорил с ней начистоту. Объяснил, что будет несправедливо, если все совместно нажитое они станут делить пополам при разводе. Наташа слушала внимательно, соглашалась. Конечно, каждый должен остаться при своем, сказала она. Конечно, подпишем брачный контракт.

Умница девочка. Борис сразу это понял.

Они поженились.

Жили ровно, хорошо. Борис возил жену за границу – в нормальные страны, а не на задворки Европы. Мальдивские острова, Бали, Таити... Пытался порадовать украшениями, но оказалось, что она носит только свои безумные ожерелья с торчащими веревками и свисающими циферблатами. Из подаренного им кулона с изумрудом сделала такую фиговину, что смотреть страшно: вставила драгоценный камень в глаз ящерице из медной проволоки, прицепила скрепку – получилась брошь. Борис посмотрел, погладил жену по голове: мышь ты моя музейная, птичка не от мира сего.

Хотя изумруд было жалко.

Несколько раз Наташа пыталась показать ему что-то из своих работ. Борис улыбался, как улыбается мать калякам-малякам своего ребенка. Его сместила и трогала сосредоточенность жены на всей этой бисерно-веревочной ерунде.

И еще тихо жалел ее: надо же, сколько ни бьется – ни разу ничего толкового не смастерила. Удивительно, как вообще кто-то покупает эти ее... поделки.

Когда он приобрел новый «Лексус», то записал его на отца. Контракт контрактом, но мало ли что! От жены скрываться не стал, честно предупредил, что машина по документам принадлежит папе.

– Ну и замечательно, – спокойно сказала Наташа. – Хорошая машина, а твою давно пора было менять.

Сама она ездила на дряхлом «Опеле», страдавшем всеми болезнями, присущими его почтенному возрасту. Борис не раз предлагал ей купить что-нибудь взамен, но Наташа отмахивалась: потом, мол.

В один прекрасный день это «потом» наступило.

– Я наконец-то машину поменяла, – невзначай сообщила она за приготовлением субботнего завтрака.

За шкворчанием яичницы Борис решил, что не расслышал.

– Что?

– «Опель» продала, – повторила Наташа. – У Сони такие ямы возле дома, невозможно подъехать. Надо было взять что-то с хорошей проходимостью.

– Ты купила новую машину? Сама? – недоверчиво переспросил Борис.

– Вон она стоит, прямо у подъезда.

Борис поднялся и подошел к окну.

Среди хорошо знакомых ему соседских автомобилей возвышался черной глыбой «Фольксваген-Туарег».

Борис моргнул. Этого, конечно, не могло быть. Его маленькая музейная мышь если и была способна купить с собственных доходов машину, то лишь стиральную.

– Не вижу...

Наташа переложила яичницу на тарелку и, проходя к столу, мимоходом ткнула пальцем в черную громадину. Так легко и непринужденно, что он внезапно понял: это не шутка.

Борис побагровел.

– С ума сошла? Откуда деньги?

Наташа вскинула брови.

– Любовника завела?!

Он хотел выругаться, но что-то в ее лице удержало его.

– Откуда бабло? – повторил он, уже теряя запал и ощущая, как наваливается жалкая растерянность. – Где ты взяла три ляма на такую тачку?

– Последние заказы оказались очень прибыльными, – сказала Наташа, не отрывая взгляда от тарелки. – Пожалуйста, не нужно больше повышать голос.

– Заказы?!

Она наконец подняла на него глаза.

– Боря, ты вообще представляешь, чем я занимаюсь?

...Он слушал, ощущая, как пол уходит из-под ног.

На барахолках, развалах, блошиных рынках Европы она выискивала антикварную бижутерию, вооруженная чутьем, помноженным на знания.

Особенно ей везло на эмаль. Мерцающие, как стрекозиное крылышко, переливы оттенков, нежнейшие цвета – эльфийская красота ар-нуво манила ее. Наташа безошибочно чувствовала, где нужно искать. Так, однажды в наследстве старухи, выставленном на аукцион в крошечном городишке, нашелся неподдельный Рене Лалик: подвеска с крупным радужным опалом и пятью жемчужинами.

Подвеску немедленно приобрела у нее известная галерея. За один день Наташа окупилась два года поисков.

На нее работали образование, интуиция и опыт. Иногда вещи, которые она находила, были сломанными, искореженными в жерновах времени. Наташа никогда не пыталась восстановить их – только превратить во что-то иное, новое.

И тут в дело вступал ее талант.

В украшениях, выходявших из ее рук, всегда читалась история. Наташа соединяла несочетаемое: оплетала жемчуг нитками из распущенной веревки, подбирала совиные перья к редкому халцедону, на золотую цепочку нанизывала дырявые копеечные монеты – и получалась уникальная вещь. На творения Симоновой записывались в очередь. Ее знали коллекционеры антиквариата и любители бижутерии, знали собиратели древностей и завсегдатаи рукодельных форумов.

Она работала медленно. Иногда могла месяцами подбирать недостающую деталь к украшению. Каждый кусочек должен встать на свое место – лишь тогда вещь обретет жизнь и гармонию. В этом было какое-то шаманство. Внутренний Наташин колдун находил себе выход, творя магию из обыденных вещей и старинных украшений.

Борис попытался склеить расплзающуюся на куски реальность.

Она все придумала! Выдала желаемое за действительное!

Он схватился за это объяснение, постаравшись забыть о том, что никогда в жизни не ловил жену на вранье.

– ... Что ж ты, такая успешная, в коммуналке ютилась? – выдавил он.

– Я очень люблю старую Москву, – спокойно сказала Наташа. – Эта комнатка – память о маме с папой. Квартиру в Кунцево я сдаю.

– В Кунцево?

Она кивнула.

Борис вцепился в стол. Кунцево! Да, она раз в месяц ездила туда по каким-то делам, которыми он никогда не интересовался.

– У тебя даже счета в банке нет!

– Отчего же, есть. Только не в российском.

– У тебя рыдван столетний!

– Был.

Борис бросил взгляд за окно, где черный «Туарег» возвышался как памятник его куриной слепоте. Из глубины до смерти уязвленной души вырвался вопль:

– Ты не можешь этой рукодельной хреню зарабатывать столько же, сколько я!

Кажется, ему удалось удивить ее. Наташа отодвинула тарелку с яичницей и озадаченно уставилась на него.

– Конечно нет. Я зарабатываю больше.

Помолчала и добавила:

– Это что-то меняет в наших отношениях?

Борис схватился за голову и застонал.

– Я думала, ты навел обо мне справки перед свадьбой. Поэтому и предложил договор. Ты ведь очень... предусмотрительный.

Борис даже засмеялся. Договор! Да, он хотел оградить себя от жадности нищей московской девочки. Прелестной птички не от мира сего.

Нищей?

Не от мира сего?

Это она ограждала себя.

К двадцати четырем годам она имела то, что он смог получить только сейчас.

– Почему ты мне не рассказывала?!

Наташа пожала плечами.

– Не хотела навязываться. Тебя не интересует моя работа, я видела.

– Черт, я не о работе!..

Борис осекся, заметив ее непонимающий взгляд.

Для нее было важно лишь ее дело. Деньги – постольку, поскольку они давали свободу выбора.

А для него деньги были мерилем достижений. Полновесной гирей на весах успешности.

Черный джип вызывающе скалился решеткой радиатора. Борис резко отвернулся от окна. Она даже «Туарег» купила не потому, что престижно, а потому, что он высокий! «У Сони ямы возле дома...»

Куски расползались, и Борис не в силах был соединить их. Картина его семейной жизни превратилась в чертов пазл. Который, как выяснилось, все это время он собирал неправильно.

И еще гордился собой, кретин...

Пес с ними, с деньгами! Он был в силах переварить и принять, что жена зарабатывает больше. Но в их браке он мог играть только ту роль, которую сам для себя выбрал.

Он-то, идиот, видел себя спасителем! Принцем, вытащившим сероглазую принцессу из коммунальной башни. Принцесса была сиротка, неприспособленная к жизни. Их брак строился на ее любви и благодарности.

А теперь выясняется, что ему нечем гордиться. Не он спас принцессу, а она снизошла до него из своей маленькой башни, в которой обитала только из ностальгических соображений.

Борис вдруг понял со всей очевидностью, что жена все это время немножко жалела его.

– Наташа... – хрипло спросил он. – А почему ты вообще вышла за меня замуж?

Наташа органически не умела врать.

– В порядке эксперимента, – грустно сказала она.

Через месяц они развелись.

Эксперимент провалился.

Да, именно так она и сказала – «объясниться».

– Доброе утро! – Маша постаралась скрыть растерянность. Что еще за объяснения?

Наташа Симонова подняла ворот куртки и поежилась.

Рассматривая девушку, Маша по привычке подбирала ей место в какой-нибудь истории. Если Яна – Маленькая разбойница из «Снежной королевы», то Наташа, пожалуй, русалка. Не та, что рвалась на землю, а одна из ее сестер, беззвучно скользящих в морских глубинах. Чистое лицо, бледные губы... Но дело даже не в чертах, а в этой легкой отрешенности взгляда.

И еще – в полном отсутствии стремления нравиться. Этой девушке, определенно, было все равно, что о ней подумают.

Словно опровергая ее последнее заключение, Наташа проговорила:

– Я чувствую себя очень неловко. Мне кажется, вчера я всех обидела своими словами.

Она зачем-то прижала пальцы к уху и прищурилась. Выглядело это странно.

Парусник качнуло, и Маша ухватила за фальшборт.

– Не то чтобы обидели, – пробормотала она. – Скорее, озадачили.

Девушка понимающе кивнула.

– Не стоило этого говорить. Но мне так трудно обманывать... Не понимаю, когда это оправдано.

Маша нахмурилась. Что-то смутило ее в последней фразе.

– Мы действительно вас раздражаем?

– Не конкретно вы. Вообще люди.

Час от часу не легче!

– Когда много людей, трудно, – без выражения сказала Наташа. – Каждый звучит. Голоса разные. Нужно что-то чувствовать, говорить и легко ошибиться. Проще слушать, но все равно устаешь. Я устала вчера. Когда спросили, что мешает, не смогла быстро придумать ответ. Пришлось говорить, как есть.

Она пыталась объяснить и, как всегда, терялась: фразы ничего не значили, хотелось взять картинку из головы и перебросить собеседнику, чтобы сразу, без слов, раз – и он уже все понимает. Ей с детства не хватало телепатии, но сейчас – особенно остро.

Рыжая слушала молча, напряженно сдвинув брови. Наташа подумала, что эта женщина, с лицом усталым и чуточку несчастным, могла бы ее понять. Каково это, когда устаешь от каждого человека, требующего внимания, как тяжело, когда нужно вслушиваться в слова и интонации, различать их, по-разному реагировать. А в это время тебя атакуют образы, запахи, духи, кожа, одежда – и все это оглушает, слепит, выкручивает мозги, так что хочется лишь одного: забиться в темную нору, где только звук собственного дыхания нарушает тишину.

Как чувствуешь себя рыбой среди млекопитающих, молчаливым огромным китом среди резвящихся дельфинов – кем-то, выпадающим из среды, всегда чужим.

Изгоем.

– Вам тяжело общаться? – спросила Маша.

Наташа неопределенно пожала плечами.

– Иногда. Иногда нет. С новыми людьми – да. Слишком много... всего.

Маша вздрогнула. Она наконец-то осознала, что ее смущает.

– Зачем же вы записались в это плавание? – вырвалось у нее.

Наташа вдруг улыбнулась.

– Странно, да. Застой в работе. Ничего не могу придумать. А море я с детства не люблю.

– Любите? – переспросила Маша, решив, что ослышалась.

– Не люблю. Бессмысленный объем воды.

Девушка замолчала, решив, что объяснила достаточно.

Маша потерла лоб. Этот разговор стал напоминать какую-то шараду.

– Море вам не нравится, – вслух подумала она. – И у вас творческий кризис. Вам нужно раскочкаться, да? Требуется толчок, который выведет вас из равновесия?

Наташа кивнула.

– Поэтому я хотела извиниться, – без видимой связи с предыдущим сказала она. – Вы умеете понимать. Я не хотела вас обидеть.

Она замолчала, выжидательно глядя на Машу.

– Извинения приняты, – медленно проговорила та. – Кстати, если вас будет затруднять общение со мной, скажите прямо. Без реверансов.

– Да. Без реверансов, – подтвердила Наташа.

Развернулась и ушла, не говоря больше ни слова.

Когда Маша спустилась в свою каюту, Сергей уже оделся и готовился принять вахту.

– Как дела наверху? – Он поцеловал ее и отстранился. – Э-э, а что это у тебя с лицом? Что-то не так?

– Нет, все отлично. – Маша рассеянно потерла лоб.

– Не ври. Выкладывай.

Маша посмотрела на мужа и решилась:

– Мне кажется, у нас на корабле человек с синдромом Аспергера.

Сергей проявил неожиданную осведомленность. Макар Илюшин, ходячая энциклопедия, когда-то прочел ему целую лекцию об аутизме, и кое-что из этой лекции осело в памяти Бабкина на удивление прочно.

– Это нарушение развития, – припомнил он. – Неспособность воспринимать эмоции других людей и выражать свои собственные. Очень модная болезнь, которой нынче награждают кого попало. Достаточно быть мрачной букой, и можешь называть себя гордым обладателем этого синдрома.

Маша покачала головой.

– У нее монотонная речь. Знаешь, как будто человек одну ноту тянет, только словами. И еще она выглядит немного... – она замялась, – бесчувственной.

– Как робот?

– Скорее, как зомби. Она пыталась объяснить мне, что ей тяжело общаться с несколькими людьми сразу. И даже извинялась. Но это выглядело так, словно я беседую с инопланетянином. А он не совсем понимает, зачем нужно все это говорить, но что поделать, такие уж у этих людишек ритуалы.

– Диагност ты мой недоделанный!

– Недоделанный, – согласилась Маша. – Но все это мне не нравится.

Сергей посмотрел на часы и поднялся с кровати.

– Мне пора: вахта не ждет.

Уже в дверях он обернулся.

– Слушай, а почему тебе это не нравится? Даже если допустить, что ты права.

Маша поморщилась. Короткий разговор с мужем, как всегда, подействовал на нее успокаивающе. Теперь она отчетливо понимала, что все это глупость, которую неловко даже подумывать, не то что произнести вслух.

– Я внимательно слушаю, – напомнил о себе Сергей.

Она махнула рукой:

– Прости, это чушь. Я просто взбаламутила себя.

Бабкин всем лицом выразил живейший интерес, и Маша поняла, что без ответа он не уйдет.

– Я где-то читала, – нехотя сказала она, – что люди с синдромом Аспергера имеют повышенную склонность к насилию. Ты что-нибудь слышал про Мартина Брайанта? Ну, Австралийского Убийцу?

Старпом доверил Сергею стоять за штурвалом. Огромное колесо едва уловимо пахло лаком, как свежий паркет, и было не гладким, как он ожидал, а немного шершавым. Бабкин обхватил рукояти – и улыбнулся во весь рот.

Черт возьми, это было здорово!

Словно ты мальчишка, сбежавший с уроков и забравшийся на крышу через ржавую дверцу с навесным замком, который вечно подвыпивший дворник забывает запирать. Сидишь, свесив ноги с края крыши, бесстрашный, как Питер Пэн, и под тобой шелестит летний двор, а наверху небо звенит от зноя, и голуби курлычут, и дребезжит старенький мотоцикл дяди Валеры из тридцать четвертой, и ветер поет в струнах проводов.

Бригантина летела, почти не замечая волн. Казалось невероятным, что один человек может управлять такой машиной.

Об этом Бабкин и сказал старпому.

– Один не может, – разочаровал его Диких. – Нет, если, скажем, штиль, то без проблем. А если штормит, то нужны двое как минимум.

Сергею остро захотелось, чтобы был шторм. Хотелось геройствовать, удерживать рвущийся из рук штурвал, кричать «трави помалу», что бы это ни означало, и потом, когда все закончится, одобрительно похлопывать товарищей по плечу.

«Фантазерус обыкновенникус, – подумала та часть Сергея, которая не опьянела от запаха волн и ощущения штурвала в собственных руках. – Заразился от Машки. Но ей-то прости-тельно. А тебе, взрослому мужику, стыдно. Трави помалу, понимаешь!»

– Артем, что значит «трави помалу»?

– Значит, медленно отпускай.

Солнце плыло над морем, лежа на подушке из розовых облаков. «Снова не мои слова, а Машкины», – поймал себя Сергей. Его дед говорил, что, прожив с женой много лет душа в душу, временами стал думать ее мыслями. Раньше Бабкин не понимал, что это значит. Зато понял теперь.

У него самого все было просто. Солнце встает, облака бегут. Жизнь состоит из подлежащего и сказуемого. Все прочее – излишества. Оперативная работа к ним не располагала. В отделе Бабкина работали люди бесхитростные, понапрасну не рефлексирующие, и он был таким же.

Не стоит ничего усложнять. Это базовая стратегия выживания в том мире, где из самых лучших побуждений советуют: «Будь проще, и люди к тебе потянутся».

Но когда он ушел из оперативников, в его жизни возник Макар Илюшин.

В ответ на предложение «будь проще», Илюшин советовал: «Будь сложнее, и от тебя отвалятся те, кто проще». Умный, насмешливый, с невероятно развитой интуицией, он искал самые сложные пути и брезговал очевидными. Первые полгода совместной работы Сергей чувствовал себя как человек, ухвативший за хвост метеор и волоочащийся за ним по галактикам.

Потом появилась Машка, рыжая Машка с веснушками и лисьими бровями, вечно обгоревшими плечами и такой улыбкой, что поначалу, когда она улыбалась, Сергей каждый раз хотел спросить: «Это вы мне?»

Не верилось, что подобное дарят просто так.

Потом не верилось, что она собирается выйти за него замуж.

Потом не верилось, что она его любит. Причем ежедневно любит! Всегда! Нет, необъяснимо.

Машка трудилась сценаристом, придумывала сюжеты для детской передачи. Заодно понемножку писала рассказы для детей. И, конечно, наотрез отказывалась обходиться одними лишь подлежащими и сказуемыми, когда в мире есть столько разнообразных определений, дополнений и обстоятельств.

Трава какая?

«Зеленая!» – ответил бы Бабкин.

«Мягкая, влажная от непросохшей росы, и щекочет босые пятки», – ответила бы Маша, а потом придумала бы мышиноного бегемота, который живет под листом лопуха.

Она превращала самые простые события в увлекательные истории. Из встречи с собакой соседа могла сделать комедию, из потери варежки – полноценный детектив.

Бабкину пришлось привыкать к тому, что ручку настройки яркости этой жизни выкрутили на максимум. В мир, похожий на простой и незамысловатый куриный бульон, добавили отчетливых запахов, вкусов и цвета. Был жидкий суп – стало непонятно что. Иногда черничное мороженое, а иногда – кулебяка с грибами!

Но жить стало значительно интереснее.

Он не принял всерьез фантазии жены о девушке с аутизмом. Всегда есть люди, которых раздражают окружающие, что же в этом удивительного. А Машка, по своему обыкновению, все преувеличила, сочинила историю и сама себя напугала.

Солнце поднималось все выше, и море начало сиять. Справа от корабля пролегла дорожка искрящегося жидкого золота. Заглядевшись на нее, Бабкин едва не дернул штурвал.

– Сергей! – укоризненно сказал Артем.

Бабкин извинился и постарался сосредоточиться.

Но его начало клонить в сон. Он встряхивался, хлопал себя по щекам – не помогало.

– Кофе хочешь? – старпом искоса взглянул на него.

– Не, спасибо. Сам проснись.

Проснуться не получалось. Даже свежий ветер отчего-то не бодрил, а навевал грезы о каюте, где нет сквозняков, где он рухнет на койку и...

– Так, запас кофе кончился, я пошел за новым, – решительно сказал Диких. – Не благодари.

– Спасибо! – запоздало крикнул Бабкин ему вслед.

Елки-палки, он один за штурвалом! «Сейчас бы как крутануть!»

Он представил, как корабль тяжело завалится на бок, скрипнут мачты, загрохочут вещи в каютах, вскинется яростно волна, с силой ударившись о борт. А Машка скажет...

– Кажется, меня только что пытались убить.

Сергей вздрогнул. Он едва не уснул за те несколько секунд, что прошли с ухода старпома.

– Простите?

Перед ним стоял носатый очкарик в старомодном «бабушкином» свитере и тер переносицу. Он не выглядел испуганным, скорее озабоченным, и потому у Сергея не возникло и тени сомнений, что слова об убийстве ему просто почудились.

Аркадий Бур поправил очки, вздохнул и повторил:

– Кажется, меня только что пытались убить.

Рассказ режиссера оказался коротким. Он вышел на дальнюю часть палубы («кажется, это называется полуют, но я не совсем уверен»), чтобы покурить в тишине. Его немилосердно тошнило всю ночь, тошнило утром, тошнило за завтраком, и никакие лекарства не помогали.

Тогда Бур вспомнил о сигаретах.

«Вообще-то я бросил. Но, знаете, иногда брошенные вредные привычки гораздо нужнее приобретенных полезных».

Сигарету он стрельнул у Владимира Руденко, единственного курильщика из группы. И ушел подальше от всех.

– Я стоял, смотрел на кильватерный след. И вдруг меня сильно толкнули в спину. Я перевалился через борт и удержался только чудом. Очки слетели, представляете? Хорошо, в каюте были запасные. Носками зацепился за поперечную перекладину, вот так.

Он привстал на цыпочки, наклонился вперед и показал, как.

– Вы видели, кто это сделал?

Режиссер развел руками:

– Я слышал топот. Но когда обернулся, никого уже не было.

Сергей несколько секунд испытующе смотрел на него.

– Вы думаете, я вас дурачу? – с неожиданной проницательностью спросил режиссер и улыбнулся.

Улыбка у него была несмелая, как будто он немножко стеснялся самого себя.

Бабкин вспомнил, что с самого начала Аркадий чувствовал себя на корабле не очень уверенно. Вздрагивал от скрипов, морщился. И все время поправлял очки.

«На сверчка похож, – подумал Сергей. – Немолодого сверчка. Его бы не на парусник, а в коробочку, обитую изнутри фланелью».

– Я никак не возьму в толк, почему вы упомянули убийство, – без обиняков ответил он. – Ну, максимум, кто-то похулиганил.

Аркадий задумался. Серые, тусклые, будто припыленные волосы развевались вокруг лица, придавая ему несколько безумный и в то же время поэтический вид.

– Убийство? Да, в самом деле, странно... – он озадаченно почесал нос. – Но почему-то я именно так подумал в первую секунду. Отчего бы это?

Он снял очки и принялся протирать стекла краем свитера.

Бабкин молча смотрел на него, не зная, что и думать.

– А где ваша жена? – вдруг спросил он.

Вопрос звучал несколько бестактно. Но за день все привыкли, что Кира постоянно сопровождает мужа. Высокая, стройная, русоволосая, с медленными, но точными движениями, она напоминала заботливую нянюшку. И ни на минуту не выпускала супруга из виду. «Возможно, она тоже не прочь посадить его в коробочку и проложить ватой», – мысленно предположил Сергей.

– Кира? Она ушла в каюту сразу после завтрака. Не выносит запаха дыма.

– А плавать вы умеете? – задал Бабкин второй бесполезный вопрос.

Аркадий покачал головой.

– Ни в коем случае!

– У вас есть враги?

– Боже мой, откуда! – искренне удивился режиссер.

И вдруг тень пробежала по его лицу. Он нахмурился, о чем-то вспомнив.

– Что? – насторожился Бабкин.

– Так... Нет, ничего...

Аркадий ссутулился и явно сник.

– И все-таки?

– Вокруг моего театра последнее время творятся скверные дела, – нехотя проговорил режиссер. – Но называть этих людей врагами как-то странно. Они тиранозавры.

– Почему?

Аркадий грустно улыбнулся его непонятливости.

– Потому что сожрут и не поморщатся. Впрочем, все это осталось дома. На «Мечте» я могу забыть о проблемах.

– Тогда успокойтесь, – посоветовал Бабкин. – Чья-то идиотская шутка, только и всего. Никому не нужно вас убивать.

Аркадий Бур задумчиво покачался на носках ботинок и чуть не упал, когда в борт ударила волна.

– Вы абсолютно правы, – признал он. – По здоровом размышлении я даже полагаю, что нашел корень моих нелепых опасений.

– Какой?

– Видите ли, вчера перед сном я читал Кена Кизи. И наткнулся на фразу, которая вошла со мной в резонанс.

Он закрыл глаза и с выражением процитировал:

– «Морская пучина – ревнивая карга, и стоит на борту появиться истинной любви, считай, ты получил черную метку на тот свет».

Бабкина это не проняло.

– Аркадий, не знаю, как вас по отчеству... Тут четыре пары пассажиров. Явно любят друг друга. Тогда уж все должны были получить черную метку. Замучается с нами морская пучина, не находите?

– Я выгляжу в ваших глазах старым экзальтированным дураком, – с преувеличенной печалью констатировал Аркадий.

Сергей ухмыльнулся. Этот сверчок ему нравился, несмотря на некоторые его странности.

– Нестарым.

– И на том спасибо.

Аркадий снял очки и близоруко прищурился на штурвал.

– Вы развеяли мои тревоги. Действительно, глупая шутка. Я даже догадываюсь чья.

Бабкин вопросительно поднял брови.

– Нет-нет, не буду никого оскорблять подозрениями. Все это не стоит выеденного яйца. Что ж, не хочу вам мешать. И простите, что побеспокоил!

– Вы должны были добавить «не обессудьте» и «голубчик», – не удержался Бабкин.

В глазах Аркадия Бура блеснули веселые искры:

– До чего же приятно иметь дело с тонко чувствующим человеком.

Он приподнял воображаемую шляпу и поклонился.

Глядя, как он удаляется, хватаясь за ванты при каждом наклоне палубы, Бабкин вспомнил Машу с ее довольно нелепой утренней историй.

Да нет, глупости.

При чем здесь эта... русалка? И ее возможный аутизм?

А Бур... Бура, допустим, толкнула Яна Руденко. Из чистого хулиганства. Или ему почудилось: дернулся корабль, вот он и повалился за борт от толчка.

«Шаги», – напомнил себе Сергей. Режиссер сказал: топот.

Значит, все-таки глупая шутка.

Бабкин крепче сжал штурвал и постарался выкинуть из головы всю эту чепуху. Скоро Аркадий с Кирой сменят его, и он отправится завтракать. «Омлет. Например, с ветчиной». Однако мысли упорно возвращались к рассказу режиссера.

Человек толкнул его и смылся. Но что, если бы Бур не удержался и действительно свалился за борт?

На вахте у штурвала – один Бабкин. Он не услышал бы крика за скрипом корабля и шумом ветра. Остальные в кают-компании, а кое-кто уже разошелся по своим каютам.

«В море что с воза упало, то пропало», – прозвучал в его памяти хриплый голос старого Боцмана.

Послышались шаги, и улыбающийся красавец-старпом показался на палубе с большой белой кружкой в руках.

– Держи, вахтенный! Заслужил!

Бабкин посмотрел на пар, который растворялся в ветренном воздухе, едва родившись на поверхности кофе, и осознал, что сон с него начисто слетел.

Глава 4

Ветер раздувал щеки парусов, смахивал пенные шапки с волн. Бригантина «Мечта» летела вперед, обгоняя редкие яхты.

Яна Руденко, прогнав матроса Антошу, фотографировалась на баке. Их вахта наступала только через три часа, и Яна собиралась употребить это время с пользой.

Утром она высунула было нос на палубу, но тотчас шмыгнула обратно. Стоял жуткий холод. Две дуры из их группы зачем-то торчали снаружи – курили, что ли... Можно было бы и в каюте, начхать, что запрещено. Сама она обожала нарушать запреты. Это как проверка на прочность: сможешь наплевать на ограничения? Достаточно ли у тебя смелости? А ума, чтобы избежать ответственности?

Но этим двум дурищам, конечно, такое не пришло бы в голову. Они все понимают буквально: написано «не курить», значит, не курят. Написано «по газонам не ходить» – плетутся по дорожкам. Сделать бы табличку «воздухом не дышать», так они самоистребились бы. Клуши!

Из-за холода Яна успела немного расстроиться и накричать на Володьку, которого раз и навсегда назначила виноватым во всех катаклизмах. Тот в ответ не остался в долгу, и утро прошло весело и задорно.

А после завтрака солнце выпрыгнуло из моря, как мяч, и сразу стало тепло.

Яна нацепила кудрявый парик, один из дюжины, который взяла с собой, вытащила из чемодана мини-платье, которое супруг обзывал макси-майкой, и вручила Владимиру фотоаппарат. Их группа головы посворачивала, глядя, как она на каблуках пробирается по палубе, хватаясь за что ни попадя. Яна любила эти взгляды. Они заряжали ее энергией.

– Снимай!

Она вскинула руки к небу. Волна дружески плеснула брызгами.

Господи, вот это жизнь!

– Хэй-хоу!

Щелчок камеры, еще один, и снова, и еще. Она позировала мужу профессионально, не делая себе поблажки. Эти снимки – все, что останется у нее к старости на память о том, что она больше всего ценит.

Когда-то Яна слышала, что красивая женщина умирает дважды. Точность этой горькой фразы поразила ее. Да, сначала отомрет ее красота, а потом уйдет и ставшее уродливым тело.

В отличие от первой смерти, вторая ее не страшила.

Яна с детства знала, что красива. Девочки завидовали ей и заискивали, мальчики благовоели и дерзили от смущения. Она не читала Шиллера, а до мысли о том, что красота – это добродетель, дошла своим умом.

И еще о том, что красота – это власть.

И еще – вседозволенность.

Экзаменаторы прощали Яне невыученную тему.

Гаишники прощали превышение скорости и выезд на встречу.

А ее мужчины прощали вообще все. Рано или поздно наступал момент, когда Яне это надоедало, и она бросала поклонника, недоумевающего: за что? Ведь он все готов был в ней принять. Разве не этого хотят женщины?

Первый раз она вышла замуж в двадцать лет за популярного актера. Актер обожал молодую жену и мечтал исполнять все ее прихоти.

Яна изменила ему – он простил.

Изменила с его лучшим другом – простил.

Яна вспылила, накинулась на мужа и сломала ему в драке нос – он простил и извинялся за то, что довел любимую до этого.

Сорвала ему пробы – переживал, но простил.

Жить с таким человеком оказалось решительно невозможно. Обозвав его на прощанье тряпкой и ничтожеством, Яна ушла.

К тому времени, когда в ее жизни появился Владимир Руденко, она успела разочароваться в мужчинах. Истерики, нытики и слабаки, думала Яна. Ей только исполнилось двадцать пять, и она ощущала себя многоопытной женщиной.

С Володей она сошлась от скуки. Для поддержания тонуса требовалась жертва, а Руденко выглядел многообещающе: в меру хитер, в меру пронырлив, хвастлив и чудовищно самодоволен. Про таких говорили: «деловой».

Руденко понятия не имел, что его выбрали на роль боксерской груши. Он видел перед собой шальную деваху со смазливой мордашкой и собирался приятно провести с ней время.

Яна для приличия выдержала неделю. Была мила, весела и не капризничала. Играла с деловым, как кошка с мышью, нежно трогала мягкой лапой, позволяя ему расслабиться, утвердиться в мысли, что она – трофей. Мужчины всегда такие смешные, когда думают, что они охотники.

Атаку она начала на ровном месте. Это был вопрос самоуважения. Любая курица может закатить скандал, найдя повод. Но истерика без веской причины – высший пилотаж! Пока мужчина перепуганно озирается, пытаясь понять, где он напортачил, спутница жизни успевает смести с лица земли все рубежи его обороны и вторгнуться на территорию противника с визгом и слезами.

Впрочем, визги и слезы не входили в арсенал Яны. Сарказм, острый как охотничий нож, хлесткий, точно кнут, – вот чем она пользовалась.

Однако нужен был толчок. Крошечный, совсем незаметный камешек, который сдвинет с места лавину ее злости.

И толчок был дан.

Вечером Владимиру захотелось арбуза. Он не стал ждать утра: вышел и вскоре вернулся с полосатым гигантом, царем бахчи, один бок которого выцвел до белизны, а другой налился густой болотной зеленью и просвечивал сквозь пакет.

Арбуз едва поместился в раковине. Владимир удовлетворенно поскреб его мочалкой, вытер и водрузил на стол.

Яна, только что мило улыбавшаяся и хвалившая его за хорошую идею, приподнялась с дивана и сузила глаза.

Арбуз? Неразрезанный?

Ее внутренний демон злорадно оскалился.

«Я что, должна его кусать? – холодно осведомилась она. – Или ты предлагаешь мне самой разрезать его? Какое воспитание! Какие манеры! Да ты просто джентльмен, Вова. Ах да, я же забыла – ты ведь родом из поселка Электроугли. У вас там так принято, в Электроуглях? Это такой электроугольный ритуал ухаживания?»

Владимир открыл было рот, но остановить подругу было не в его силах. Яна летела с горы, полыхая и шипя. Она прошла по его происхождению, воспитанию, а также внешности, коррелирующей с происхождением и воспитанием. Упомянула дядю-алкоголика. Мимоходом ядовито коснулась первого неудачного брака.

Жертву всегда ошеломляла ее искренняя ярость. Смерч рождался на глазах из ничего, и попытка притушить его, приводя здравые аргументы, была сродни желанию остановить ураган руками.

Стратегий защиты было всего несколько. Каждую из них Яна знала наизусть.

Владимир мог молча взять нож и разрезать несчастный арбуз раздора. В этом случае она утвердилась бы в мысли, что он соплик и тряпка.

Он мог уйти. Тогда он был бы трус и тряпка.

Он мог попробовать наорать на нее. Истерики и тряпка!

Наконец, он мог попробовать ударить ее. Втайне Яна всегда ждала этого. Возможность драки раззадоривала, горячила кровь. Пусть, пусть ударит! Тогда можно забыть про все тор-моза. Налететь, визжать, царапать, рвать, кусаться! Дьявол раздери всех этих глупых мямлей, не смеющих даже вцепиться ей пощечину!

Владимир слушал ее молча, и Яна уже почти уверилась, что он выберет второй вариант. Как вдруг случилось неожиданное.

Шагнув к столу, Руденко занес руку над арбузом, коротко вдохнул – и на выдохе со всего размаха опустил кулак.

Раздался оглушительный хруст, брызнула алая мякоть. Арбуз треснул и развалился. Через оскалившийся разлом потек сок.

Владимир, не говоря ни слова, обтер руку полотенцем и вышел из комнаты.

Яна, как замороженная, смотрела на розовую лужицу, подбирающуюся к краю стола. Когда первая капля упала на пол, она оторвала взгляд и уставилась на стену.

На светлых обоях брызги сочной арбузной мякоти смотрелись как кровь. Яна представила, что на месте арбуза могла быть ее голова, и сглотнула.

Десять минут спустя Владимир услышал, как приглушенно стукнула входная дверь. Он уже начал думать, что чокнутая телка свалила с концами, когда в скважине повернулся ключ. Но Яна не зашла к нему в комнату.

Подождав еще немного, он сам заглянул в кухню.

На полу лежал самый большой арбуз, какой девушка смогла дотащить до квартиры. Сама она, закусив губу от боли, сидела рядом и изо всех сил била по корке кулаком.

Владимир понаблюдал за ее безуспешными попытками, усмехнулся и отступил назад.

Впервые в жизни получив столь убедительный урок превосходства силы, Яна сразу и безоговорочно отступила. Разбитый арбуз оказался очень веским аргументом.

Оба делали вид, что похоронили память об этом случае. Но как-то раз Владимир, вернувшись с работы, бросил на стол пропуск.

– Фитнес-клуб через дорогу. Я тебя туда записал.

Яна презрительно фыркнула. Она занималась верховой ездой, отлично плавала, брала уроки скалолазания и в теплое время года играла в большой теннис на открытом воздухе. Предложить ей фитнес? Это было даже не оскорбительно, просто смехотворно.

– Будешь ходить трижды в неделю, – продолжал Владимир, игнорируя ее фыркание. – У них открылась секция бокса. Тренер – отличный мужик. Усекла?

И одобрительно хлопнул ее по заднице:

– Вот и дело.

– ...Снимай!

Яна работала на камеру, забыв о зрителях. Успеть прожить разные образы, ухватить кусочки чужих жизней, скорее примерить на себя, как яркое платье!

Однако какая-то ее часть продолжала разрабатывать план, не отвлекаясь на ерунду. Он требовал большой концентрации и удачи. Он был очень рискованный, этот план.

Но Яна Руденко всегда верила, что бог на стороне красивых. А риск... Что ж, чем игра рискованнее, тем она увлекательнее.

«Освоились нынче мои салаги. Режиссер, правда, с утра выглядел немногим лучше, чем протухший кальмар. Пару раз даже травил за борт, пока все деликатно отворачивались. Жена вокруг него скакала вприсядку, аж сама позеленела от жалости. Но потом пообвыклись оба, повеселели.

Ничего, сегодня вечером будет им первая остановка: отдохнут, по суше ножками побродят. Просто так, без всякой цели по морю шляться – это любому приесться. У нас маршрут продуман досконально: каждый день – новый остров. Их тут по акватории без счета разбросано. Одни совсем маленькие, и обитают на них только моллюски. Другие побольше, там и домишки на холмах торчат, как грибы. Мне-то по сотому разу смотреть на них особого интереса нету, зато у туристов всегда глаза загораются.

Мы с Муромцевым маршрут ведь как составили? Чтобы разнообразие было. На одном острове в чистой лагуне поплавать, на другом в деревню подняться, посмотреть, как местные устроились. Мой любимый остров – Аркос, третий на нашем пути. На нем даже маяк есть. Интересный, кстати, парнишка живет на этом маяке...

Только хотел рассказать хлопцам про зрителя, как наружу выбрался наш корабельный домовой, Ваня Козулин, и давай бородачицей трясти и салаг развлекать болтовней. Скучно доктору!

Как-то раз я взялся штудировать легенды Древней Греции, и там вычитал вот что: «Сатиры – жизнерадостные козлоногие существа, ленивые и распутные. Время проводят в пьянстве и охоте за нимфами».

«Ба! – думаю. – Это ж прямо про нашего Василича!» Но с тех пор, как капитан наложил строгий запрет на употребление чего угодно крепче кваса, Ваня потускнел, погрузнел, даже на баб перестал заглядываться. А ведь донжуан каких мало, хоть по нему и не скажешь.

Салаги расселись вокруг него на палубе, уши торчком. Я тоже аккуратно подошел, встал за гротом.

Ваня рассказывал историю, которой я от него еще ни разу не слышал.

Жил на свете моряк, который заключил пари с морским дьяволом.

Без большой беды к морскому дьяволу не идут. Жена утонула у моряка, и даже тело не вынесло на берег, чтобы убитый горем вдовец мог предать его земле.

Но дьявол пообещал, что моряк снова будет с любимой, если принесет морю жертву: утопит десять десятков кораблей. А коли не сможет, сам отправится в услужение к повелителю волн.

Так сказал морской бес, и они ударили по рукам.

Моряк любил жену больше всего на свете. Он поклялся, что выиграет пари. Морской дьявол хитер, сказал моряк, но он не знает, что такое любовь. Ему неизвестно, на что способен ради нее человек.

И вот моряк нанялся на корабль под черным флагом. Три года спустя он был боцманом. Еще через три года – капитаном. Моряк выкупил корабль, прекрасный быстроходный корабль, и сколотил команду отчаянных головорезов. Он нападал на суда и топил их. С каждой новой схваткой его опыт и хитрость росли, как у матерого волка. Он не брал пленных, не продавал в рабство женщин – лишь отправлял на дно корабль за кораблем, и там, откуда он уходил, волны становились багровыми от пролитой крови.

Так прошло десять лет. Лик жены не потускнел в его памяти: моряк по-прежнему любил ее так же сильно, как в тот день, когда они принесли клятвы перед алтарем. Пленники напрасно молили пирата о пощаде. Он ожесточил свое сердце, ибо знал: каждая новая жертва приближает его к встрече с любимой.

Наконец пробил час, когда еще один корабль скрылся под водой, и это был последний из десяти десятков. Рассмеялся счастливо моряк, глядя, как водоворот затягивает безжизненные тела, и крикнул: «Эй, морской дьявол! Смотри же! Я выиграл!»

Лишь эхо его голоса было ему ответом.

Обернулся моряк и увидел, что палуба корабля пуста. Ракушки и черные водоросли облепили борта изнутри и снаружи.

«Эй, дьявол!» – снова позвал он и махнул рукой.

Огромная зеленая волна поднялась перед ним и застыла, покорная его воле.

«Дьявол!» – рассердился моряк.

И увидел, как утопленники зашевелились на дне.

«Дьявол...» – совсем тихо проговорил моряк, и страшные морские твари всплыли из подводных глубин и уставились на него, готовые исполнить каждое его слово.

И понял моряк, что отныне дьявол – это он сам.

С тех пор сидит моряк на подводном троне, а рядом утопленница-жена: обнимает его белыми руками, шепчет посиневшими губами ласковые слова, и волосы ее колыхаются вокруг них, точно сети.

Ибо если ты заключаешь пари с морским дьяволом, будь готов к тому, что дьяволом окажешься ты сам.

...Закончив, Козулин поднялся и ушел, а мои подопечные разволновались.

– Что-то я не въехал! – говорит Руденко. – Фигня какая-то.

Рыжая на него глянула, как на дурака, но промолчала. Зато парнишка с красивым именем Стефан ответил, да серьезно так:

– Зло, которое вызвал дьявол в душе моряка, превратило его самого в дьявола.

– А прежний куда делся?

Муж рыжей вмешался:

– Может, его и не было никогда. Я так понимаю, это притча о том, что нет никакой злой силы вне нас. Только внутри.

Вот те раз, думаю. Медведь-то далеко не так туповат, как мне поначалу показалось.

Смотрю – выюноша Стефан задумался. А я в сторону отошел, чтоб понаблюдать, да самому не отвечивать.

Жена режиссера, Кира, вперед подалась, глаза загорелись. «Я, – говорит, – убеждена, что смысл этой истории в другом. Она об исполнении настоящих желаний. Больше всего моряк хотел стать пиратом и убивать людей».

«Нет, – возражает ей Аркадий, – ему пришлось, а потом он просто вошел во вкус!»

А Яна подбоченилась и эдак вызывающе: «Что бы вы понимали! Это притча о любви! О настоящей любви!»

«Если это настоящая любовь, можно мне искусственную?» – это Наташа тихо спросила.

Тут все остальные заспорили, а я отступил и пошел Ваню разыскивать. Хотел спросить, что это на него нашло.

Козулин сидел в своей каюте смурной, а для него это редкость. Он из тех, кто будет зубоскалить, даже если мы все пойдем ко дну.

– Здорово! – говорю. – Ну, ты нашел, с чего начать. Не мог что-нибудь повеселее придумать?

Козулин барабанную дробь по столу выстукал и вдруг спрашивает ни с того ни с сего:

– Яков Семеныч, ты новости с земли давно читал?

Я лысину поскреб и говорю: смотря какие. Если политические, то давненько. А если новости культуры, то внимательно слежу за всеми событиями театра, цирка и кино, могу посоветовать самые яркие премьеры. Вот, скажем, завтра в московской оперетте – «Гранд-канкан», прекрасная постановка, рекомендую от всего сердца...

Молочу языком, смотрю – Ваня меня не слышит. Какая-то мысль его гложет, и мысль очень нехорошая. Тогда и я шутковать бросил.

Василич, говорю, брось ходить вокруг да около. Что стряслось?

В ответ он вынимает из ящика истрепанную немецкую газетенку и кладет на стол. Я сначала даже не понял, куда глядеть, потом заметил в разделе «События» фотографию. На снимке – яхта в порту. Качество поганое, но название разглядеть можно. «Одиссей».

Любой настоящий моряк мало-мальски понимает на всех языках. Всю заметку я перевести не смог, но основной смысл уловил. Корреспондент писал, что на «Одиссее» произошел несчастный случай. Жена владельца утонула, купаясь в открытом море. Судя по дате, случилось это больше трех месяцев назад.

Посмотрел я на Ваню, он на меня. И только я хотел спросить, в курсе ли Капитан, как в дверь вломился перепуганный Антоха.

– Яков Семеныч, драка на судне!

Когда я вылетел наверх, в первый миг глазам не поверил.

На шкафуте бились Стефан и Руденко. Другие салаги рассредоточились у края палубы и жались к бортам. Да и понятно почему.

Эти двое ухитрились открутить от «машек» – швабр то есть – по палке. Лохматые веревочные концы были отброшены в сторону. А на палках два обормота сражались, как на мечях, только треск стоит, аж уши ломит.

Когда я разглядел, как они дерутся, обалдел второй раз.

Руденко здоровый лось, а Стефан (тут у меня его фамилия всплыла в голове – Зеленский) – пацан, в два раза легче и на голову ниже. Мордатый давно должен был задавить его.

Однако мальчуган отмахивался бодро. Руденко превосходил его силой, а пацан брал ловкостью.

И умением. Да каким умением! Он наносил быстрые и резкие удары, парировал, отскакивал, носился вокруг противника, как стриж вокруг быка. Руденко весь в поту и багровый, что твоя говьяжья вырезка, а пацану хоть бы хны: скачет, только челка на лбу прыгает да свернутая в култыпку косичка болтается под затылком. И даже не покраснел: как был белокожий, словно фарфоровая чашка, так и остался, только скулы едва порозовели.

Я покосился на наших дамочек. Русалка смотрела с легкой заинтересованностью, а я-то думал, будет переживать из-за дружка! Яна губу закусил, глаза горят, ноздри раздуты – сама вот-вот в драку кинется. А рыжая вообще почему-то нервно посмеивалась, хотя поводов вроде как не наблюдалось. Женщины!

Все это я одним взглядом охватил и не успел решить, чем остановить наших драчунов, как расстановка сил круто поменялась. Руденко изловчился, ухватился за палку своего противника и дернул со всей дури.

Тут, конечно, у парнишки не было шансов. Слабоват он против такой мощи. Руденко выхватил у него швабру и ткнул Стефана свободным концом в живот. Пацан согнулся пополам и попятился, а Владимир отшвырнул свой трофей в сторону.

Я решил, что на этом бою конец. Не тут-то было! Руденко оружие свое перехватил удобнее и попер на пацана. Глаза навывкате, рожа красная, потная, и понятно, что крышу нашему бизнесмену снесло капитально. Видно, давно ему никто как следует отпора не давал. А у мальчишки, как назло, за спиной фок-мачта, и бедолага ровнехонько в нее и пятится.

Тут до всех дошло, что дело идет к нехорошему. Зашевелились барышни, завизжали, вперед подались.

Да только поздно. Руденко уже швабру занес и готовился обрушить ее на голову белого как смерть Зеленского. Не знаю, почему, но в этот миг мне вдруг ни с того ни с сего арбуз померещился».

Глава 5

Самое смешное, что начиналось все совершенно невинно.

Стефан упомянул, что он – ролевик. И пояснил непонимающему Антоше: «Хобби такое. Мы воссоздаем миры, придуманные разными авторами. Я, например, толкинист».

Судя по лицу матроса, последнее слово ему ни о чем не говорило.

– Толкинисты реконструируют сцены из книг Джона Рональда Руэла Толкиена, английского писателя двадцатого века, известного в первую очередь как автора сказочной трилогии «Властелин колец», – объяснила Наташа, будто строчку из энциклопедии продекламировала.

Антоша озадачился еще сильнее.

– Играете? Как дети?

– Как дети на утреннике, – уточнил Стефан. – Только костюмы не мамы шьют, а мы сами. Матрос покачал головой.

А вот Маша совершенно не удивилась. Этот мальчик смешанных польско-японских кровей хорошо вписывался в какое-нибудь восточное средневековье, лучше выдуманное: без лишней крови, страданий и бытовых тягот. «Был бы сыном аристократа, – представляла Маша, по привычке дорисовывая вокруг Стефана Зеленского подходящий антураж. – Сбежал бы с прекрасной девушкой и укрывался в горах под опадающей сакурой».

Прекрасная девушка, между прочим, была в наличии. Стефан рыцарски оберегал Наташу от брызг волн (которых она, кажется, вовсе не замечала), укрывал от ветра своей курткой и не забывал следить, чтобы она закрывала голову от солнца. Опекал, но без суеты и навязчивости. Было в этом что-то от спокойной заботы старшего брата о младшей сестре.

Маша подобрала Стефану место в волшебных мультфильмах Миядзаки, к которым ее пристрастил сын.

Пока Сергей, Аркадий Бур и Кира несли вахту, остальные под присмотром матроса Антоши осваивали науку драить палубу. В перерыве, когда отдыхали, блаженно раскинувшись на нагретых досках, и зашел разговор о хобби.

Уяснив, чем занимается Стефан в свободное время, Антоша спросил, кого тот играет.

– Эльфа, – улыбнулся Зеленский.

– Эльфы стреляют из лука, – лениво заметила Яна, щурясь на солнце.

– Я стреляю, – кивнул он. – У нас даже соревнования бывают. И на мечях сражаемся.

– На мечях?

Яна оживилась и принялась расспрашивать Зеленского. На каких мечях? Где тренируетесь? Где берете оружие? Спорим, что не сможете победить обычную человеческую женщину, а, эльф из золотого Лотлориена?

Словом, Маша не успела дофантазировать до конца про Миядзаки, а Яна уже придумала открутить палки от швабр и бросила одну Стефану.

– Сражаемся! – задорно крикнула она.

– Только не на мокром, – попросил Антоша. – Поскользнетесь.

Выбрали место на шканцах, где было посвободнее. «И клинки, выкованные умельцами-гномами, скрестились с громким звоном!» – торжественно объявила Яна.

А если без художественных напластований, то палки застучали друг об друга.

Когда именно демонстрация умений Стефана перешла в сражение, никто толком не понял. Но Яна уже лупила своим «мечом» всерьез, пытаясь достать противника.

– Она ему в лицо целится... – ошеломленно пробормотала Маша.

– Предлагаю на этом закончить, – крикнул Стефан, отражая удары.

– Ну! Уж! Нет! – на выдохе сквозь сжатые зубы процедила Яна. – Эльф ты или не эльф? Юноша отбросил палку и выпрямился.

– Мне это не нравится, – прямо сказал он.

Если бы взглядом можно было высекать искры, Стефан Зеленский уже вспыхнул бы, как сухая сосновая ветка.

– Мало ли что тебе не нравится, сопляк, – с неожиданной злостью крикнула Яна. – Защищайся!

И кинулась на него.

Стефан уклонился от удара, подставил ей подножку, и девушка грохнулась на палубу. Даже кошачья ловкость не помогла: Яна врезалась в фальшборт и вскрикнула от боли. Палка вылетела из ее руки.

Руденко изменился в лице.

– Ты не охренел, щенок?

– Владимир, прекратите! – попросила Маша.

Толку от ее просьбы было не больше, чем от кошачьего мяуканья. Владимир бросил жене, потиравшей ушибленное колено:

– Отползи в сторону.

И обернулся к Стефану.

– С бабами, значит, воевать ты герой! А как насчет мужиков?

Он неспешно наклонился и подобрал палку, которую выронила Яна. Стефан нерешительно поднял свою.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – вдруг вполголоса сказала Наташа, обращаясь к Маше. – Мне кажется, вы сильно волнуетесь.

От оглушительного треска Маша вздрогнула. Руденко нанес первый удар – мальчик отбил и отступил на шаг.

– Сильно волнуюсь? – она нервно усмехнулась. – Вашего друга сейчас размажут по палубе в мокрое пятно. Вас это не смущает?

– У нас ведь есть швабры.

Маша на несколько секунд даже забыла о драке. Она осмысливала ответ.

Кажется, девушка только что пошутила.

Или нет?

Из размышлений о специфике чувства юмора у людей с синдромом Аспергера ее вывел вскрик: Руденко изловчился и сумел дотянуться до мальчишки. Стефан схватился за плечо, лицо исказила боль.

Маша не выдержала:

– Антон, да сделайте же вы что-нибудь!

Ей никто не ответил, и, оглядевшись, она обнаружила, что матрос исчез.

– Он уже сделал, – заметила Наташа.

– И что же?!

– Убежал.

Когда у трапа возник Яков Семеныч, Маша нервно смеялась. Больше ей ничего не оставалось.

Боцман подоспел вовремя. То, что началось как забава, а затем переросло в драку, грозило закончиться бедой. Маша поняла это слишком поздно, когда от ее действий уже ничего не зависело. Она не успевала даже добежать до Руденко.

Но это и не потребовалось.

Старикан за пару секунд оценил обстановку, стремительно перекатился к дерущимся, мелко-мелко перебирая ногами, как японская танцовщица. Если бы Маша в эту минуту ничто не утратила чувство юмора, Яков Семенович показался бы ей даже комичным.

Оказавшись за спиной Руденко, боцман сделал всего два движения.

Праз! – раскрытыми ладонями хлопнул сзади по ушам.

Два! – лягнул Владимира под коленку.

Руденко грохнулся на палубу, перекатился на бок. Да так и остался лежать, часто моргая.

У Стефана Зеленского от изумления отпала челюсть. Он перевел вопросительный взгляд на Наташу, словно сомневался, не почудилось ли ему.

– А ну-ка, товарищи курсанты, «машек» привести в порядок! – распорядился Яков Семеныч.

И видя, что его команда не двинулась с места, повысил голос:

– Швабры, говорю, привести в исходное состояние! Ать-два, ать-два!

Маша вышла из ступора и со всех ног бросилась исполнять.

– Списать обоих, да и дело с концом!

Команда собралась в рубке, оставив салаг под присмотром старпома и матроса.

Списать потребовал Нафаня. Он так и примчался наверх из камбуза, как был – в колпаке, с половником в одной руке и куском картофелины в другой.

– Обоих-то за что? – укоризненно спросил Темир.

– За нарушение дисциплины! – рявкнул Афанасий. – Совсем оборзели! Распоясались, сукины дети! И Антоху выгнать следом!

Козулин фыркнул:

– Антоху-то с чего?

– С чего?! – взвился кок. – С того, что не усмотрел!

– Все правильно он сделал, – заступился за отсутствующего матроса Яков Семеныч. – Как понял, что жареным запахло, за мной побежал.

– А должен был сам разобраться! – не отступал кок, воинственно размахивая половником.

– Толку-то! Досталось бы и ему. Ты видел этого Руденко вблизи? Кабан кабаном.

Афанасий вспомнил Руденко и притих.

Иван Козулин глянул в иллюминатор, где вдалеке показались очертания острова, и перевел взгляд на боцмана.

– Остальные-то чего сопли жевали? Перетрусили, слабаки?

– Сергей Бабкин был с Темиром, – Яков Семеныч указал на радиста, который утвердительно кивнул. – Бур с женой за штурвалом. Или ты хочешь, чтобы ему тетки отпор давали?

– А что, это тема! Напрыгнули бы втроем, завалили кабанчика!

– А мясо пустили на котлеты, – внезапно прорезался кок. – У нас есть нарушение дисциплины? Есть!

Темир Гиреев сокрушенно покачал головой:

– По договору – нет. Руденко твердит, что он не собирался мальчишку бить. Говорит, остановил бы палку возле головы. А что в живот ткнул – ну, увлекся.

– А Зеленский что?

– У Зеленского гордость в попе играет! – поморщился Боцман. – Да, говорит, далековато зашли, но ничего страшного.

– Гордость у него... – кок сделал вид, что сплюнул. – А был бы у нас труп?!

Наступила тишина. Молчавший до этого Муромцев хлопнул ладонью по столу:

– Хорош виноватых искать. Что делать будем? Предложения? Темир!

– Пожурить и отпустить, – развел руками радист.

– Выпороть, – мрачно пошутил Козулин.

– Списать! – настаивал кок.

Муромцев перевел на него тяжелый взгляд.

– Нафаня, вот скажи мне: если я их спишу, сколько человек у нас сойдет в порту?

– Два.

- Неправильно считаешь.
- Почему это?
- Потому. Думаешь, жены дальше поплывут?
- Про жен-то я забыл... – пробормотал Афанасий.
- А я помню. Значит, сойдет у нас не двое, а четверо. Минус четыре человека из восьми – это половина. Деньги я им верну, так?

Афанасий молчал.

- Конечно, верну. У них двухнедельный тур оплачен, а не однодневный. Получается, половина всей суммы – псу под хвост. А ты знаешь, как у нас обстоят дела с финансами.

Иван Козулин отвернулся и стал снова смотреть в окно.

- Знаешь, Нафаня?
- В общих чертах, – неохотно пробормотал кок.
- Ты в общих, а я в конкретных. Так вот сообщаю тебе со всей возможной конкретикой, Нафаня, что дела наши обстоят хреново. Не окупаем мы себя, дорогой. Сидим в минусе. Вон, Яков может тебе подтвердить и всю бухгалтерию предоставить.

- Не надо мне бухгалтерию...

- Тогда верь на слово. Мы не можем списать двоих, а по факту – четверых. И без того на салфетках экономим.

- Зачем на салфетках? На туалетной бумаге эффективнее! – не оборачиваясь, подал голос Козулин. – Установить галюн на носу, не декоративный, а натуральный. И пускай над волнами гадят, аки птицы.

Муромцев просверлил его взглядом, но доктор сидел вполоборота и капитанского гнева не почувствовал.

- Короче, так, – подытожил Муромцев. – Обоих оставляем, но разъяснительную работу нужно провести – это раз, и на будущее инциденты подобного рода исключить – это два.

- Линьков всыпать... – мечтательно прошептал кок.

- Разъяснительная работа на тебе, Яков Семеныч, – не обращая внимания, закончил капитан.

Боцман кивнул и тронул Козулина за плечо:

- Иван, как уши-то у нашего героя? Не повредил я ему ничего?
- В голове погудело и, говорит, сблевал пару раз. Ему, козлу, только на пользу.
- Ваня! – рассердился Муромцев.
- Молчу, молчу!

Козулин сгреб бороду в ладонь и прижал к губам на манер кляпа.

- Ты еще пожуй ее!

На том совещание и закончилось.

- Как это было? Покажи!

Маша страдальчески закатила глаза. Хорошо хоть муж не просит повторить драку на палках.

- Он так быстренько подбежал... – изобразила она движения Якова Семеныча. – Как колобок с ножками! И вот так – ух! Раз! Шмяк!

- Эй-эй, потише! – Сергей перехватил ее ладони. – Хочешь, чтобы у тебя был глухой супруг?

Маша недоуменно воззрилась на него.

- Если хлопнуть правильно, могут лопнуть барабанные перепонки, – пояснил Бабкин.

- Шутишь?

Сергей усмехнулся.

- Ты слышала о тактике русского боя?

– За кого ты меня принимаешь, – обиделась Маша. – Слышала, конечно. Кулачные бои, национальная забава.

– В основном там бьют как раз-таки не кулаком. Догадаешься сама, чем именно?

Маша вспомнила движения Боймана и сообразила:

– Ладонью!

– Да! И называется это не удар, а хлест. Страшной разрушительной силы может достигать, если правильно поставить ладонь и попасть в нужную точку. Яков Семеныч вот так сделал, ты уверена?

Сергей повторил Машино движение, изогнув ладонь лодочкой.

– Именно так!

– Вот хитрый старый черт, – восхищенно пробормотал он.

– Никакой он не черт, – заступилась Маша за Боймана. – Ты бы видел, как он потом всеми командовал! А когда Руденко пытался подняться, так рыкнул на него – у меня самой чуть перепонки не полопались.

– Лев! – согласился Бабкин. – Кррррокодил! Голубоглазый.

«С Руденками я побеседовал. Сразу с обоими, оптом. Капитан не зря решил эту почетную обязанность повесить именно на меня. Трудность в том, чтобы баланс соблюсти: и оставить эту парочку на «Мечте», и прижать их к ногтю. Они ведь не дураки, сообразят, что раз их в ближайшем порту не высадили, значит, на то есть причины.

Ишь, пакостники!

Я за свою жизнь на людей насмотрелся. Можете мне поверить, одни из самых гадких – любители пинг-понга.

Этой игре меня обучил лейтенант в нашей части. Часть была непростая, там, кроме настольного тенниса, и другие развлечения имелись, которые вроде как служивым людям не полагаются. Ну да бог с ним, это дело прошлое и заброшенное глубоко на морское дно. Вода все стирает из памяти, и хорошее, и плохое. Потому человек, когда ему тяжело, к морю рвется.

Любители пинг-понга – это такие люди, которые всегда проверяют границы. Не могут они без этого! Представьте, что вы в пустой комнате, и глаза у вас завязаны, а в руке – ракетка и шарик. Как понять, где стены? Да и есть ли они вообще? Можно на ощупь бродить. А можно шариком лупить во все стороны.

Яна Руденко как раз из последних.

У ее мира границ нет. А без границ плохо! Как понять, кто круче тебя, а кто слабее? Кого можно укусить, а кто и сам цапнет при случае? Только одним способом: постоянно всех проверять на прочность. Тюкни человека шариком – и слушай, как отзовется. Один скуксится, другой захнычет, третий закроется, а четвертый такой удар обратно закрутит, что только успевай уворачиваться!

Этим она и занимается.

Первым делом меня проверила: нарушила запрет и стала смотреть, что будет.

Потом мальчишку Зеленского попробовала на зуб.

Она не остановится, пока всех не перекусает, чтобы понять, где ее место в этой стае. Без иерархии Яне Руденко никуда. Такие женщины часто похожи на кошек, но в душе – чистокровные гиены, у которых тоже все с положением в стае строго.

А чтобы с ней рядом существовать без увечий, есть только один способ: схватить за шкуру, потрясти от всей души, чтобы кишки внутри забултыхались, и лишь потом отпустить.

Готов руку дать на отсечение, ее супруг так и поступает. Границы ей установил, и чуть она за них морду высунет – сразу трепку!

Он-то сам не из теннисистов. У него девиз другой: бей первым, или врежут тебе. Не покажешь зубы – считай, проиграл. Для Руденко вся жизнь – боксерский ринг, не пропускай удары да кулаками маши, пока соперник пощады не запросит.

Когда из-за Зеленского Яна упала, Руденко не бросился к ней, как любой другой на его месте. Нет, он сразу на обидчика наехал. С женой, мол, потом разберусь, но сначала покажу, кто здесь главный.

Это мне Маша Бабкина рассказала. Очень такому раскладу удивлялась, невинная душа.

Поэтому я сразу взял быка за рога. Зашел в каюту без стука и велел вещи собирать. Все сухо, деловито, с легкой гримасой на лице, будто от них пахнет.

А они ведь к такому обращению непривычные. Растерялись. У Руденко после моего удара голова еще плохо соображает, а Яна полагала, что любой некастрированный кобель перед ней млеет и тает.

А тут на тебе!

Она первой отступила. Заюлила, заныла, глазами захлопала. Любители пинг-понга шарики бросают мастерски, но в покер их даже новичок обыграет. Не чуют блефа, вот в чем их беда!

– Мы не хотели никого обидеть!

И Владимир поддакивает:

– Переборщили малость, что ж теперь! Один раз всего!

Знаете, говорю им, я вам так скажу. У шотландцев есть пословица: чтобы тебя называли Джоном-плотником, нужно всю жизнь работать плотником. А чтобы тебя называли Джоном-засранцем, достаточно один раз обделаться.

По лицам вижу – отлично они поняли меня. Но проглотили и это.

– Да, – кается Яна, – мы действительно очень виноваты!

Я слегка смягчился. Нос морщить перестал.

– Муромцев крайне недоволен, – говорю, – крайне! Я пока не смог его переубедить.

Только это им и требовалось. Насели на меня, давай упрашивать, чтобы я воздействовал на капитана. Одна лестью бьет: «Яков Семенович, он с вами считается!», другой подкупом: «Мы в долгу не останемся!»

Еще бы, такой позор – быть выгнанными с корабля. Считай, «Мечту» отобрали!

Я позволил им выговориться и, наконец, снизошел:

– Попробую. Но если еще хоть раз...

Даже закончить не дали. Клялись, божились, разве что землю не ели.

Что ж, посмотрим.

Когда дверь их каюты закрылась, я прислушался к себе: исчез червячок? Тот, что больше похож на иголку под сердцем.

Никуда он не делся. Притаился на прежнем месте и нет-нет да кольнет тревогой.

Я вышел на верхнюю палубу. Там под руководством старпома и Антохи наши салаги управлялись с такелажем, а капитан бдил с мостика.

– Тяни грот-брам-брас! – командовал Артем. – Выбирай, выбирай помалу!

Салаги налетали всей толпой, тянули, выбирали, и парус раздувался над их головами, огромный, как облако.

Мы меняли курс.

Я вмешиваться не стал. Отошел на подветренную сторону, закурил.

Не люблю смотреть, когда только учатся. Сердце кровью обливается, как у конюха, который видит, как неопытный наездник портит от неумения спину его лошади.

Смешно! Скажи кому, что старый хрыч привязан к деревянной посудине, обхохочется. Эта бригантина – даже не старинное судно, только копия! Мы ее всего десять лет как спустили с верфей в Амстердаме.

Но так она легла мне на душу... Как ни одна женщина.

Одно слово – «Мечта».

Вдалеке показался остров. Салаги ринулись к борту и замерли.

Они ведь не догадывались, как это будет: когда зеленый горб выпирает из моря, будто разрывая натянутую ткань. Словно неведомая чудо-юдо-рыба-кит поднимается из глубины к поверхности, а волны возле ее плавников сияют розовым и золотым.

А они и не знали. Думали, море таким не бывает.

Наташа Симонова стояла как громом пораженная. Еще утром она говорила, что ей все равно, лес вокруг, вода или сухие барханы. Эх, девочка, подумал я тогда, много у тебя впереди открытий.

Ты всего сутки на этом судне. А я десять лет.

Море заполняет тебя всего, до отказа. Тебе некуда деться. Ты – лишь сосуд, и оно вольется в тебя, как бы ты ни сопротивлялся. Будешь думать о нем, чувствовать его, восхищаться, бояться, любить, ненавидеть и не понимать, как ты жил прежде без него. В твоих словах будет море, и сердце твое станет биться в такт накатам волны.

К морю нельзя подготовиться. Оно ударяет тебя штормовой стеной и смывает всю накипь твоих жалких ожиданий. Остаешься голый, мокрый, ошеломленный и без единой мысли о том, что будет дальше.

И это хорошо. Не надо портить будущее своими представлениями о том, каким оно придет к тебе.

– Красота какая...

Это Наташа сказала. Я ухмыльнулся.

Девчушка не такая бесчувственная, какой кажется.

Или хочет казаться».

Глава 6

Остров был необитаемым. Узкая скалистая полоса берега изрезана неглубокими бухтами, словно кто-то раз за разом кусал от краюхи, а дальше, за приземистыми утесами, зеленела шапка леса.

«Вглубь не пройти», – предупредил Муромцев. Стволы и ветви деревьев местами сплетались в таких тесных объятиях, словно сговорились не пустить чужаков в сердцевину острова.

«Да и незачем, – добавил Боцман. – Отдыхаем на берегу, хлопцы».

Загромыхала якорная цепь, с шумом и плеском врезалась в воду. Когда рассеялась поднятая муть, стали видны стайки мелких любопытных рыбок, собравшихся вокруг.

– Спустить шлюпки! – скомандовал капитан. – Курсанты, приготовиться к высадке на берег!

Все встали навытяжку у левого борта. Муромцев прошелся вдоль строя:

– Молодцы! Купайтесь, загорайте! Сегодня отдых спокойный, никаких приключений. Кстати, ласты кому-нибудь требуются? У нас имеются!

Бабкин, порывшись в куче резиновых «ног», выбрал себе пару темно-синих. «Ишь ты, “Скубапро”», – подумал он, удивленно рассматривая их. – Кто бы мог подумать, что здесь найдутся профессиональные ласты». Правда, при ближайшем рассмотрении его радость несколько утихла: проушины в пятках были порваны, да и калоши выглядели довольно потрепанными.

– А вы, Илья Ильич? Не с нами?

– У меня своя программа!

Муромцев подмигнул, отошел в сторону и с быстротой, выдававшей армейскую выучку, скинул рубашу и брюки. Матрос Антоша почтительно принял капитанскую одежду. Оставшись в одних плавках, капитан враскачку подошел к борту. Грузное коротконогое тело обильно поросло седым волосом, густым, как овечья шерсть. Маша стыдливо отвела взгляд в сторону. Почему-то мужская нагота смущала ее больше женской. Она успела только заметить, какие огромные у капитана ступни – непропорционально большие, как у великана.

Кто-то из команды ловко перекинул доску через борт. Старпом прижимал ее ногой. Капитан быстро взошел по доске, как приговоренный пират, не доходя до конца громогласно ухнул, перекрестился – и ласточкой сиганул вниз. В воду он вошел без единого всплеска и сразу быстро поплыл в открытое море.

– Он не утонет? – боязливо спросила Кира.

– Кто? Капитан? – Боцман с удовольствием рассмеялся. – Никогда! В любую погоду плавает, как тюлень! Километры наматывает только так! Ну, теперь наша очередь.

– Подождите! А пираты на нас не нападут?

Это, конечно, была Яна. В голосе ее звучала плохо скрытая надежда, что пираты нападут, и будет отчаянная драка, много крови, рома и насилия.

– Вообще-то могут, – неожиданно серьезно ответил Артем Диких.

– Правда?!

– Да, появляются они тут иногда, – поддержал боцман. – Но на этот случай товарищ Диких у нас вооружен!

– Луком со стрелами? – усмехнулась Яна, окидывая Артема таким взглядом, что бедный старпом заалел, словно девушка.

Сзади подошел Владимир Руденко, положил тяжелую ладонь жене на холку:

– Ну-ка, цыц. Развоевалась!

Яна и его обожгла взглядом. Но Руденко, в отличие от Артема, краснеть не собирався. Еще и шлепнул ее по попе:

– Пошла, кобылка моя!

Когда погрузились в шлюпки, Маша не удержалась: перегнулась, черпнула воду. Теплая! Невозможно поверить, что еще утром брызги секли лицо как льдинки.

Гребцы на веслах устроили соревнование, и две лодки толчками двигались вперед.

– Раз-два! Раз-два! – хрипло дирижировал боцман. Пробковый шлем он оставил на бригантине, и от его лысины отсвечивало вечернее солнце.

– Давай! Навались! – доносился с соседнего борта звонкий голос Артема Диких.

Когда днище зашуршало о песок, боцман с поразительной для его возраста легкостью перемахнул через борт. Следом за ним попрыгали Сергей со Стефаном.

Яков Семеныч хулигански свистнул, сунув два пальца в рот.

– Эй, Темыч!

Старпом обернулся и скривился. Им до берега оставалось метров двадцать.

– Ты не Диких, ты Домашних! – дразнясь, крикнул Боцман.

– На обратном пути сочтемся!

– Как же, жди!

Глядя на Якова Семеныча, режиссер тихо, чтобы тот не услышал, проговорил, будто читая вслух из невидимой книги:

– Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море – веселые глаза человека, который не сдаётся.

– Это откуда? – наклонилась к нему Кира.

– Хэмингуэй.

Вдоль линии прибоя море выложило узоры из обломков крошечных ракушек и морских водорослей. Маша сделала два шага, и песчинки облепили мокрые ступни.

Она вдохнула глубоко-глубоко, чтобы морской воздух вытеснил московский смог, осевший в легких. Если бы можно было набрать его впрок, этот воздух! Теплый, прозрачный, с привкусом соленого ветра и хвои! Хотя бы баночку. Она бы доставала ее в конце ноября и дышала в терапевтических целях – по чуть-чуть, чтобы хватило на год.

И песок тоже нужно взять. Всего пару-тройку пригоршней, она не жадная! Хватит, чтобы рассыпать по полу в феврале, когда снаружи вьюга пылит колючим снегом, и оставлять на нем отпечатки ладоней и ступней.

– Мария!

Маша вздрогнула и обернулась. Оказывается, пока она мечтала, группа уже собралась и терпеливо ждала ее.

Еще на корабле было решено, что отдыхать и купаться станут не все вместе, а по парам. «Чуть западнее есть большая лагуна, можно было бы высадиться там, – сказал боцман. – Но вы ж сами не захотите гурьбой». Так и вышло.

Рассредоточились по бухтам. Первая, самая ближняя к месту высадки, досталась Яне и Владимиру. «Чтобы далеко не тащиться!» – подмигнул Артем Диких.

«Очень гуманно с его стороны», – подумала Маша, оценив размер сумки у Яны и количество фотоаппаратуры на ее мужа. Сквозь прозрачные бока пляжной сумки просвечивали платья, парео, шляпы и, кажется, даже пиратская треуголка. Яна не собиралась в этих изумительных природных декорациях распылять красоту впустую, без увековечивания.

Яна оценила выделенную им бухту и красиво закинула руку за голову.

– Лук для инстаграмма! – пропела она, фотографируясь на собственный айфон. – Артем, а теперь вы нас с Володей щелкните, пли-и-из!

– Какая любовь к себе! – тихо заметила Кира. – Можно только позавидовать.

Наташа Симонова обернулась к ней.

– Это вовсе не любовь.

– А что же?

– Страх смерти, конечно.

Забыв про Яну, все уставились на русалку.

Она поковыряла носком босой ноги песок и перечислила со странной полуулыбкой:

– Вот мой завтрак, вот я сама, вот мой песик, вот моя обувь, вот я в отпуске триста двадцать пять раз, а это мое ухо четыре раза. Ела салат, пила дайкири, с этим здоровалась за руку, с тем целовалась. Это не любовь к себе, это страх. Страх, что исчезну – и ничего не останется. А самые тревожные боятся, что уже исчезли. Кто они для мира? Никто. Не пишут картин, не лечат детей, не спасают морских котиков от истребления. Вот и пытаются забить себя в вечность, оставляя снимок, как печать: «существую». Объективное подтверждение себя. Крючки, цепляющие за бытие.

Измученная Маша поймала взгляд мужа. «Аутизм, говоришь?» – одними губами поинтересовался Сергей.

Бухта им досталась небольшая, но укромная. Скалы из песчаника выдавались вперед двумя острыми резцами, защищая от чужих взглядов. Если зайти в воду по колено, можно было увидеть бригантину. Она покачивалась на волнах, как сложившая крылья птица.

– Господи, хорошо-то как!

Сергей закатал шорты и следом за Машей пошлепал в воду.

«Сказать про Аркадия? Не сказать?»

– Меня на шлюпке укачало сильнее, чем в открытом море! – Жена обернула к нему страдальческое лицо. – Где таблетки?

– В каюте забыл, – покаялся Сергей.

Маша испепелила его взглядом и, пошатываясь, выбралась на берег. Там она плюхнулась на песок и закрыла глаза.

«Не буду говорить, – решил Бабкин. – Нефиг нагнетать».

Он побродил среди камней, разглядывая рыбок. Вода, совершенно прозрачная у скал, метрах в двадцати словно густела и набирала плотную, яркую синеву. Сергей подошел ближе, не обращая внимания на промокшие шорты. Так и есть: отсюда начинался обрыв. Он сделал осторожный шаг – и почувствовал, что не достанет до дна.

Вернувшись, Сергей стащил мокрые шорты и раскинул руки, подставляя грудь солнечным лучам.

– Между прочим, тут приличная глубина, – сообщил он. – Где техника безопасности, я вас спрашиваю? Почему нам не выдали спасательные круги? Я требую надувной круг.

Маша открыла глаза, приподнялась на локте и внимательно посмотрела на него:

– Тебя что-то беспокоит?

– Там глубина... – начал Бабкин, но она перебила его:

– Нет. Тебя что-то беспокоит на «Мечте»?

Наташа Симонова с трудом сдерживала гнев. Вернее, то чувство, которое она для простоты обозначала этим словом. Оно рождалось в затылке, отчетливо голубое, ледяное, заостренное, и от него по шее бежали неприятные мурашки, похожие на холодные капли.

Стефан опять брал ее вещи.

Она обнаружила это, когда открыла свою сумку и не увидела свитера. Дранный, протертый на локтях, выцветший свитер был старьем, откопанным бог знает на каких развалах. Но это не имело значения. Это был ее свитер, и она любила его.

А Стефан его взял.

У Наташи было немного вещей. Но с каждой из них она устанавливала особые отношения. Одни приносили удачу в дождливые дни. В других хорошо было читать книги, утопая в объятиях старого дивана. Третьи защищали, как броня – она частенько надевала их на выход в

город. В полосатой юбке с рваными краями ей везло на встречи с кошками, а куртка с нелепым длинным капюшоном, словно позаимствованным у гномов, помогала найти новые дороги.

У Стефана был полный шкаф безликих шмоток. Для него одежда как будто вовсе не имела личной стороны, только функциональную. И он не понимал, отчего Наташа так злится, когда он берет ее вещи.

Обратно их приходилось выцарапывать с боем. Шарфы, пара кофт, даже шляпа затерялись в глубинах его захламленных полок. «Успокойся, – советовал Стефан, когда она рылась в куче вещей, стиснув зубы. – Купим новое. Делов-то!»

После трех подобных случаев Наташа перестала одалживать ему вещи.

Тогда Стефан начал брать их без спроса. Как-то раз она обнаружила, что пропала рубашка. Со скандалом рубашку удалось вернуть. Тогда исчезла футболка, обычная черная футболка с эмблемой спортивной фирмы на спине. Стефан ночевал у Наташи, и она позволила ему утром надеть ее. Это было ошибкой. Футболка пропала с концами, а Зеленский с самым честным видом клялся, что непричастен к этому.

Она давно выгнала бы его за такие проделки. Но, к ее изумлению, это был его единственный серьезный недостаток.

Собственно, вообще единственный.

Этот мальчик, увлеченно игравший в эльфов и что-то программировавший с девяти утра до шести вечера, как-то так прилачился к ее жизни, что Наташа временами ловила себя на очень странном ощущении.

Она чувствовала себя завершенной.

Когда-то там, наверху, рисуя ее, забыли или не захотели добавить нескольких штрихов. Возможно, отрабатывали новую технику, но получилось то, что получилось.

За много лет Наташа привыкла к себе такой. Даже научилась с собой дружить. Большинству *полнокомплектных* людей не хватало этого умения. Они отказывались принимать в себе все эти палочки, точки и нелепо торчащие закорючки.

Но только со Стефаном она осознала, что существовала в вечном напряжении. Как солдат, охраняющий границы и знающий, что, кроме него, никто не защитит, если что.

Зеленский восхищался ее украшениями. Обновлял фотографии на ее сайте. Дарил инструменты для работы. Бронировал билеты, возил кошку к ветеринару, готовил ужины, ходил в аптеку. Он молчал, когда нужно было молчать, и говорил, когда она хотела слышать его голос.

Наташа не знала, умен ли он, добр ли, великодушен или мелочен... Стефан-сам-по-себе не существовал. Был Стефан-рядом-с-ней, и это помогало ей почувствовать себя... целой...

...Но свитер, ее старый синий свитер! Как он посмел забрать его?

По шее побежали неприятные мурашки, словно капли холодной воды.

– Не знаю, о чем ты, – открестился Бабкин. Для убедительности он поднял руки повыше и принялся старательно загорать подмышки.

– За дуру не держи, – попросила Маша. – Ты десять минут шлепал по воде, а купаться не стал. Хотя даже в болоте с пиявками будешь елозить пузом, если тебе позволить.

– Поклеп! – возмутился глубоко уязвленный Сергей. Он действительно любил плавать, но Машкино преувеличение не лезло ни в какие ворота.

– Пока мы здесь, ничего особенного не происходило, – твердо продолжала она. – Значит, тебя выбило из колеи что-то на корабле. Что-то такое, отчего ты даже купаться расхотел.

Бабкин, прищурившись, глянул на нее сверху снисходительно:

– Или я подхватил насморк. Такой вариант вам в голову не приходил, товарищ Пинкертон?

Товарищ Пинкертон открыл рот и зарумянился.

– Нахваталась от мужа по верхам, – добил ее Бабкин. – Работа детектива требует глубокого погружения и обширной практики, а не только...

– А-а-а-а!

Бабкин осекся. Маша вскочила и расширенными глазами уставилась на него.

Где-то неподалеку кричал человек.

Те несколько жутких минут, что они карабкались вверх по камням, а потом мчались, сломя голову, вдоль берега, Бабкин был убежден, что они найдут труп. Он даже знал чей. Тщедушного сверчка с мягкой, извиняющейся улыбкой.

Кто-то добрался до режиссера Аркадия Бура.

Они выбежали на край обрыва так неожиданно, что Маша чуть не свалилась вниз. В последний миг он поймал ее под локоть.

– Отсюда кричали, – запыхавшись, сказала она. – Или где-то близко.

И тут оба заметили в воде пловца.

Первым чувством Бабкина было облегчение. «Не Аркадий!»

Но, присмотревшись, он понял, что Стефан Зеленский плывет из последних сил.

– За ним что, акула гонится? – недоуменно спросила Маша. Но Бабкин, не дослушав ее, уже сбегал вниз по узкой тропе.

Зеленский действительно плыл так, словно его преследовала акула. Отчаянно размахивал руками, молотил ими по воде, дергался – и терял последние силы. Каждый метр давался ему все с большим трудом.

Бабкин нырнул с разбега. Животом едва не провез по черному ежу, растопырившемуся у самого берега, и в пару сильных гребков ушел с мелководья.

Он плыл и сквозь стеклянную толщу воды видел два валуна, толстых и ровных, как ноги морского великана, а за ними – бурю стену скал. Наверху барахтался человек, казавшийся неуклюжим пауком-водомеркой.

Но вокруг – ни акулы, ни мурены, ни другого существа, которое могло бы так испугать Стефана.

Сергей оттолкнулся от песка и вынырнул рядом с мальчишкой. Тот уставился на него обезумевшими от страха глазами.

– Хорош клешнями махать, – отфыркиваясь, сказал Бабкин. – Вот уже дно.

Он встал и поднял обе руки вверх.

– Веришь?

Зеленский заметил Машу на берегу, и его немного отпустило. Он боязливо нащупал ногами песок и двинулся вперед, расталкивая воду ладонями.

– На ежа не наступи, – посоветовал Сергей.

– Нн-на какого ежа?

– Противотанкового, елы-палы. Черт, Стефан, на обычного морского. Вон он, гад коварный, притаился..

Черный еж выделялся на белом песке, как клякса на промокашке. Сказать о нем «притаился» можно было только издеваясь. Но уловка Бабкина достигла своей цели: парень сосредоточился на еже и перестал бросать назад перепуганные взгляды.

Маша чуть не прыгала на берегу от волнения.

– Стефан, что случилось? Это вы кричали?

– М-м-меня т-т-топили.

Юноша провел ладонью по лбу, убирая прилипшие волосы. Он был очень бледен.

– Ну-ка сядь, – попросил Сергей, переглянувшись с Машей. – Сядь и по порядку расскажи, что случилось.

– Да. Т-только п-п-попить.

Зеленский вытащил из рюкзака бутылку воды и жадно приник к ней. Бабкин заметил, что руки его дрожат.

– Так что произошло?

Стефан выцедил из бутылки остатки воды и рассказал. Как и в случае с Аркадием Буром, повествование его было коротким и ясным.

Он плавал в одиночестве – Наташа куда-то ушла – и незаметно добрался до двух валунов, торчащих из воды как Сцилла и Харибда. Там ему стало неудобно. Во-первых, откуда-то взялось холодное течение, и теплолюбивый Стефан сразу озяб. Во-вторых, по шершавой каменистой поверхности скал ползали мелкие крабы, какие-то кольчатые червячки, существа, напоминавшие сколопендр, и Стефану стало противно и немножко страшно.

Он развернулся и уже собирался плыть к берегу, когда его ухватили за ногу и с силой дернули на дно.

Он провалился вниз, глотнул воды, забился как рыба в сетях и выскочил на поверхность. Тогда-то у него и вырвался вопль, который услышали Маша с Сергеем. Но не успел Стефан глотнуть воздуха, как его вновь потянули вниз.

Он не мог сказать, выпустили ли его или же он вырвался сам. Им овладела паника. Рядом никого не было, никто не пришел бы на помощь, и несчастный Зеленский представил, как гибкая змея душит его и неторопливо исчезает в узкой расщелине, бросив тело на съедение пучеглазым рыбам и червякам.

Он рванул к берегу так, что сердце чуть не разорвалось. И пока плыл, ему казалось, что внизу скользит длинная тень, стремительно настигая его.

– А п-п-потом вы появились, – закончил Стефан.

Он понемногу успокаивался. Здесь, на теплом песке, пережитый ужас казался нереальным, отступал все дальше и дальше, как ночной кошмар.

– Водоросли? – вдруг спросила женщина.

Стефан от волнения забыл ее имя. Маша! Точно, Маша.

– Я н-не знаю...

Здоровяк смотрел хмуро и, кажется, не верил ни единому его слову. Глубоко посаженные темные глаза обшаривали поверхность бухты. Но море было спокойно.

– Ногу покажи, – попросил он.

Стефан вытянул правую ногу.

– Нет следов, – констатировал Бабкин и поднялся. – Так, оба сидите здесь.

– Куда? – вскинулась Маша. На прозрачном лице вдруг резко выделились веснушки, словно кто-то выплеснул их на нее из ведерка.

«Испугалась, – понял Стефан. – Чего это она?»

А в следующий момент здоровяк разбежался и снова прыгнул в воду. Зеленский следил за ним, не отрываясь. Достигнув двух каменных столбов, Бабкин набрал воздуха и нырнул.

На поверхности он показался скоро, и гораздо ближе, чем нырял. Махнул рукой – мол, все в порядке – и бодрыми саженками почесал к берегу.

– Нету там водорослей, – сообщил он еще издали. – Каменюки одни да ежиные колонии. Мил-друг, тебе не показалось?

Стефан помотал головой. Нет, ему не показалось. Он до сих пор чувствовал прикосновение ледяного захвата на щиколотке, чуть выше того места, где пропечатался след от слишком тугой резинки носка. Носки он взял у Наташи и...

Наташа!

Стефан вскочил так резко, что чуть не сшиб Бабкина.

– Где она? – сдавленным голосом спросил он.

Наверху слышался шорох, осыпалась галька, и Наташа Симонова спрыгнула с обрыва на тропинку. Влажные длинные волосы закручены в узел на макушке, с купальника стекает вода.

Завидев троицу, она остановилась и удивленно оглядела их.

– Что тут у вас произошло?

Сергей не стал ничего скрывать, а сразу выложил всю историю приплывшему за ними Боцману.

Вопреки его опасениям, старикан отнесся к ней серьезно. В компании Сергея Яков Семеныч дошел до той бухты, где отдыхали Наташа и Стефан, сплавал к столбам, долго крутился вокруг них и вылез из воды разочарованный.

– На сети грешил, – пояснил он. – Там подальше как-то двое пацанов рыбачили, те, что до вас ходили на «Мечте». Они мне жаловались, что сеть упустили, дурни. Мало ли, думаю, может, течением принесло. Нет, нету.

Он сокрушенно поцокал языком.

– Стефан боялся, что это морские змеи, – подсказал Бабкин.

Старик одним жестом отмел такую возможность:

– Не водится здесь таких тварей, которые могут за ногу схватить. Укусить – еще куда ни шло. И то сомнительно.

Они вернулись к лодкам, где поджидала их группа, но остановились чуть в стороне. Старпом что-то объяснял про завтрашний день, и все внимательно слушали его или притворялись, что слушали. Только Стефан бросил на них вопросительный взгляд и сразу отвел глаза.

– Укусов нет, – сказал Бабкин. – Я смотрел.

– А синяки?

– Нету.

– Сам себя, что ли, напугал? – Яков Семеныч поскреб пальцем облупленный нос. – Не очень верится.

– Почему?

Бабкин тоже не очень верил, что Зеленский напугал себя сам. Но ему было известно больше, чем боцману. Он знал о происшествии с режиссером, а старик – нет.

– Дрался он уж больно хладнокровно, – объяснил Яков Семеныч. – Нервничал, конечно, не без этого, но держался молодцом.

– Ну и что?

Боцман покровительственно взглянул на него.

– Хочешь про человека что-то понять, смотри на него в драке. Верный способ. Для баб, впрочем, не годится.

Яков Семеныч обернулся и бросил короткий взгляд на группу.

– Кстати о бабах, – негромко сказал он, – а где была его русалка?

– Говорит, что пошла лесной тропой, вышла к длинному берегу, искупалась и вернулась, – так же тихо отозвался Сергей. – Я не проверял, времени не было. Тут есть тропы через лес?

Яков Семеныч выбил из пачки сигарету и задумчиво помял в заскорузлых пальцах.

– Есть. И даже берег длинный есть, в другой части острова. А что Руденки?

– Владимир утверждает, что нырял. С маской.

– А она?

– Искала на берегу место поживописнее.

Яков Семеныч понимающе хмыкнул.

– Режиссера ты тоже успел расспросить?

– Они с женой вместе загорали, никуда не ходили.

– И жена подтверждает?

– Угу.

– А волосья-то у ней влажные на затылке, – заметил боцман. – Ладно... Про тебя спрашивать не буду.

– Мне бы времени не хватило, – усмехнулся Бабкин, ждавший этого вопроса.

– Верно, – с некоторым сожалением признал Яков Семеныч. – Это ж надо дотуда доплыть и снова на берег вернуться. Да еще и к бухте прискакать. Эх, жаль! Значит, не ты шалил?

– Не я. Да и затея хреновая.

– Это да, – согласился старик. – Паршивая шутка, что уж тут говорить.

Сергей промолчал, глядя на две покачивающиеся у причала шлюпки. Он не был уверен, что это шутка.

В морских змей Бабкин не верил. Так же, как и в гигантских спрутов, утаскивающих на дно свою жертву. Он был глубоко убежден, что вероятность проживания подобных спрутов в этих водах была приблизительно равна вероятности существования царя Посейдона и стремилась к нулю.

Не спрут, не водоросли, не забытая сеть, не безобразник-Посейдон.

Если допустить, что Стефан ничего не выдумал, картина вырисовывалась следующая. Кто-то доплыл мимо скал до бухты, где купался Зеленский, нырнул и поднялся вверх, как субмарина – бесшумно и незаметно. Парнишка, по его словам, изучал какую-то наскальную живность, вниз не смотрел. Пловец схватил его за ногу и попытался утянуть на дно. Хотел напугать? Утопить? Стефан вырвался и рванул к берегу, а там подоспели они с Машей.

Если все было именно так, значит, кто-то врет: либо Наташа, либо Владимир Руденко, либо режиссер с женой. И еще Яна, которую никак нельзя сбрасывать со счетов!

Подумав, Сергей решил, что поставил бы именно на нее. Девушка потерпела стыдное поражение от Зеленского и жаждала мести. Второе место в забеге претендентов на должность подводного шутника занимал ее супруг, которого из-за Стефана едва не прогнали с корабля.

«У него и маска для плавания имеется», – напомнил внутренний голос.

Верно. Чего уж проще: нацепляем маску, огибаем бухту и прячемся за скалами, поджидая удобного момента.

Сергей покосился на группу, уже приближавшуюся к лодкам под предводительством старпома. Несмотря на отдых, все выглядели уставшими. Кроме разве что Аркадия Бура, который по примеру матроса Антоши убрал длинные волосы в хвостик и сразу помолодел.

Машка плетется сзади... Стефан о чем-то шепчется с подругой... Кира мягко отводит мужа от края пирса, чтобы не свалился...

«Кира?»

Бабкин пригляделся к женщине, заматавшей в огромное пестрое парео.

Она сказала, что два часа загорала на берегу. Плечи у нее и впрямь покраснели. Но волосы сзади мокрые, на это еще боцман обратил внимание.

Выходит, соврала? Но тогда и Аркадий врал.

Сергей качнул головой. Режиссера с женой он вообще вычеркнул бы из списка подозреваемых. У них нет ни одной причины пугать мальчишку.

«Наташу, пожалуй, тоже вычеркиваем. Или нет?»

– По местам! – зычно распорядился Артем Диких. – Возвращаемся на парусник, товарищи курсанты!

Когда шлюпка причалила к бригантине, Яна первая забралась на борт.

– Наконец-то мы снова плывем к нашей мечте! – торжественно провозгласила она.

Бабкину подумалось, что, строго говоря, они плывут вовсе не к мечте. Они плывут *на* «Мечте», а уж куда она их принесет, известно только небесам.

С мечтами всегда так. Никогда нельзя предугадать, как далеко они тебя заведут.

«Говорят, если долго притворяться кем-то другим, рано или поздно наступит момент, когда маска начнет прирастать к лицу.

Это неправда.

Я не ощущаю себя тем человеком, за которого пытаюсь себя выдать.

Но беда в том, что я не ощущаю себя и прежней. Какой была, пока не надела маску.

Где же я? В том зазоре, что остается между кожей лица и изнанкой маски? Во что я превращаюсь?

Может быть, я постепенно схожу с ума? Мне чудится, что все происходящее существует на двух уровнях: на одном, видимом всем, где мы плывем на бригантине «Мечта» и изо всех сил стараемся радоваться жизни, и на другом, где наш корабль – это кит, поглотивший нас и уносящий в пучину в собственном чреве, а мы – обреченные, все до единого.

Прежде мне никогда не приходили в голову подобные мысли. Откуда они? «Кто их думает?» – хочу спросить я, но вовремя останавливаюсь. Такой вопрос может задать только псих.

Но я не безумна. Это мир вокруг меня начал вытворять черт знает что, выделять нелепые, не поддающиеся осознанию кульбиты.

Я верну его на место. Клянусь, я верну все на свои места.

Но сначала мне нужно убить одного человека».

Глава 7

Самые полезные мысли Кира Лепшина находила в книгах, совершенно не предназначенных для этого. Иногда это были даже и не книги, а вовсе инструкции. Так, в ранней юности из инструкции по эксплуатации стиральной машины «Вятка-автомат-16» Кира почерпнула следующую идею: «Для обеспечения нормальной работы насоса следует периодически промывать фильтр».

И сразу стало понятно, что это вовсе не о дребезжащей стиралке. Это о ней, Кире. У нее есть фильтры, которые отвечают за то, чтобы всякая грязь, льющаяся снаружи, не оседала внутри, а блокировалась на подходе. Если фильтры засорятся, станешь беззащитным, как еж без иголок. Кто угодно сможет накидать в тебя мусора, выплеснуть ржавую воду, а то и специально напачкать, войдя в нечищенных ботинках.

«Внимательно разберитесь с фильтром!» – призывала инструкция. Кира кивнула и разобралась. Ее фильтром служила иррациональная убежденность, что ничего плохого с ней случиться не может, максимум – мелкие неприятности. Раз в полгода Кира вынимала это чувство, промывала его, тщательно проверяла, не сломалось ли, и вставляла обратно.

Теперь она была защищена от разных пакостей.

Как-то соседка, неблагодарная старуха, которой Кира покупала продукты, на весь подъезд обвинила девушку в воровстве денег. Самое ужасное, что кое-кто ей даже поверил.

Кира была болезненно щепетильна и столь же болезненно стыдлива. От обвинений она едва не впала в депрессию, боялась входить с соседями в один лифт и даже начала думать о том, чтобы переехать из своего дома. Но тут вовремя включился внутренний фильтр: «Не преувеличивай. Это неприятно, но не смертельно. Поболтают и перестанут».

Кира выдохнула и перестала вести себя как пойманная за руку преступница.

А деньги потом нашел старухин внук: они завалились за комод в прихожей.

Самое большое откровение явилось Кире из гражданского кодекса. Кира была не юрист, а бухгалтер, и кодекс попал к ней в руки случайно. Но открылся на нужной странице.

«Вещь, предназначенная для обслуживания другой, главной вещи и связанная с ней общим назначением (принадлежность), следует судьбе главной вещи, если договором не предусмотрено иное».

Кира чуть не заплакала, настолько ясно ей все открылось. Это ведь про людей сказано, про мужа и жену! Не о всякой паре, но к ней и Аркадию как раз подходит. Он – главная вещь. А она, Кира, самостоятельной ценности не имеет, предназначена лишь для обслуживания его, и в том ее смысл и цель жизни. Ничего в этом унижительного нет, так и должно быть.

«Следует судьбе главной вещи», – завороченно повторяла она про себя. Строки были прекрасны. Следует судьбе главной вещи!

И предназначение у них общее, понятно какое.

Первый муж у Киры был альфа-самец. Это она потом поняла, начитавшись умных психологических книжек. А тогда он называл себя каменной стеной. «За мной, Оля, будешь как за каменной стеной», – говорил муж, и действительно выглядел внушительно: камень не камень, но что-то большое, устойчивое. Непокколебимое.

Ах да, ее тогда звали Олей. Иногда даже Олечкой. Мягкое имя, нежное – так звучит капля, упавшая с небольшой высоты в воду: не звон, а бульк. «О-ля!»

Выяснилось, что у каменной стены есть один небольшой недостаток: из-за нее ничего не слышно. И, как правило, не видно. Сидишь внутри, обнесенный высокой оградой, и ни о чем не знаешь. А попробуешь перелезть – осадят: «Куда это собралась, голубушка? Ты же за каменной стеной. Вот и сиди тихо!»

Не суетись, как говорил муж. И ладонью делал шутливый жест, будто собирался толкнуть Олю в лицо.

В тренажерный зал? Забудь, не суетись.

К подруге? Наплюй, не суетись.

Новую работу? Расслабься, не суетись. Сидишь на полном обеспечении, и нечего дурью маяться.

Оля очень хотела ребеночка. Не могла заглядывать в чужие коляски – боялась, что заплачет от умиления и зависти. Но муж посмеивался: «Я жадный! Не собираюсь ни с кем тобой делиться!» – и щипал Олю за толстую белую попу. «Барыня ты моя кустодиевская!»

Он во всем был альфа, то есть первый, сильный, главный. Решал, куда поехать, на что тратить деньги, как одеваться. Шубу Оле выбрал сам: просто вернулся однажды домой и широким жестом, будто с барского плеча, швырнул на кровать дивной красоты соболей: «Носи!»

Подруги Оле завидовали. «Принцесса ты, Олька! – с плохо скрытой горечью говорили они. – Тебе даже пальцем шевелить не надо, все для тебя сделают». Мужья подруг были не альфами, а какими-то малоизвестными буквами греческого алфавита. Омикронами или, просто господи, вообще ипсилонами. Мужья боялись хулиганов, заискивали перед официантами и не знали, как вести себя с сантехниками.

Ольгин супруг шел по жизни хозяином. На официантов, если надо, орал (потому что холопское паршивое племя, с ними иначе нельзя). Сантехникам вдвое старше себя говорил «ты» и «дядя». А на хулиганов они наткнулись единственный раз, и Оля об этом предпочитала не вспоминать. Хотя муж потом радовался, потирал кулаки и предлагал ей то ли в шутку, то ли всерьез снова прогуляться тем же маршрутом с темными подворотнями.

Определенно, ей сказочно повезло.

Когда везение закончилось? Оля не знала.

Но ведь было же счастье, было! Существовало взаправду, а не только в ее воображении. Оля плескалась в нем, как в чистейшем озере, только брызги разлетались вокруг.

В какой миг оно превратилось в мираж? Оля плыла по инерции, взмахивала руками... Потом открыла глаза – а вокруг сухой песок, и над ним марево мутное колышется.

Она еще цеплялась за что-то. Надеялась, что это морок, болезнь, и вот-вот все вернется на свои места, надо только как следует попросить.

«Корова ты жирная, – равнодушно сказал ей муж, – ты посмотри на себя в зеркало, дура. Куда ты лезешь со своей любовью? Иди сначала займись отвислой жопой, а потом будешь претендовать на любовь».

Как – корова? Она же барыня кустодиевская, с телом белым, как молоко, кожей нежной, как атлас!

Ни озера рядом, ни самой жалкой лужицы. Только серый песок и душная пыль.

Оля достала давно забытый фильтр, внимательно рассмотрела. «Ничего плохого с тобой случиться не может». Но эта мантра незаметно приобрела маленькое дополнение: «пока ты рядом с мужем». Это ведь он альфа, а не она.

Каменная стена рухнула и погребла под собой Олю. Альфа-самец нашел себе альфа-самку, тонкую, молодую, красивую. Не корову, а ягуариху.

Выбравшись из-под завалов, Оля заплакала от боли. Ее побило сильно: не только идти – дышать было тяжело. Подруги сказали, что она сама виновата и аккуратно отступили назад, чтобы не запачкаться в Олином горе.

Она осталась одна.

Дни стали серыми и прогорклыми, ночи – слепыми. До тех пор, пока однажды Оле не приснился сон – первый раз после развода. Во сне приходила бабушка, сокрушенно качала головой и твердила: «А я ведь просила Кирой тебя назвать! Не послушали, олухи».

Проснувшись, Оля отправилась в загс.

Теперь она стала Кира. Твердое имя, строгое. Не бульканье капли, а удар молоточка о наковальню: Ки-ра!

Она продала соболиную шубу и украшения. Поменяла работу. Стала фотографироваться на пропуск – и ужаснулась: господи, и это – я? Вот это рыхлое, огромное, похожее на размокший хлебный мякиш – я?!

Абонемент в фитнес-клуб стоил половину ее зарплаты. Но Кира решила, что станет экономить на еде.

В тренажерном зале она поначалу краснела и старалась не озира́ться. Боялась увидеть юных дев с точеными телами, брезгливо тычущих в нее наманикюренными пальчиками. Однако вскоре оказалось, что посетители здесь самые разные, хватает и толстух вроде нее. Были и точеные юные девы, но они не разглядывали окружающих, а сосредоточенно пыхтели на тренажерах.

Фитнес. Бассейн. Танцы. Художественная мастерская. Фотоклуб. И совсем уж неожиданно – скалолазание.

Выяснилось, что у нее сильные руки. Когда Кира висела, ухватившись за небольшой выступ на тренировочной скале, в ней крепло ощущение: «я держу себя». Не кто-то другой держит, а она сама. Скалолазание оказалось лучшей психотерапией из возможных.

Кира торопилась жить. Она наверстывала упущенное – то, что не успела сделать, пока пряталась за каменной стеной.

У нее появились новые подруги. Как-то Кире пришлось отводить сына одной из них в театральную студию при молодежном театре. Режиссер поразил ее. Это был не человек, а факел, он искрился идеями, и каждый, кто попадал с ним в одно пространство, загорался тоже.

– Аркадий-то? Он нереально крутой! – с восторгом сказал мальчик, когда они шли обратно. – Мы с ним будем Грибоедова ставить, вы придете на спектакль? «Карету мне, карету!»

– Приду, – рассмеялась Кира.

Конечно, она забыла о спектакле. Но полгода спустя что-то кольнуло ее, и она спросила у подруги, как поживает театральная студия.

– Разве я не говорила? – удивилась подруга. – Театр закрыли, уже давно.

Кира растерянно пробормотала, что ни о чем подобном не слышала.

– Здание выкупили под частную клинику. Что ты хочешь – лакомое место!

– А куда... где... как же...

Кира не договорила, но подруга поняла ее.

– Бур-то? Запил. Я слышала, его пристроили в доме творчества, но никакой студии, конечно, уже не доверили.

Кира вытерпела неделю. А в выходные, убеждая себя, что только погуляет по парку вокруг дома творчества, поехала в соседний район.

– Аркадий? – безразлично переспросила вахтерша. – Алкаш, что ли? Вон он, там!

И махнула рукой в сторону лестницы.

Дом творчества был старый, неряшливый и совершенно не оправдывающий свое название. Творчеством здесь и не пахло. Пахло плесенью, казенными кабинетами и хлоркой, как в больнице. И людей здесь не наблюдалось, несмотря на воскресный день.

Кира осторожно прошла, куда показали. Под лестницей обнаружилось что-то вроде подсобки. Дверь была приоткрыта, и она заглянула внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.